

18+

Ким Тёрн

СТАНДАРТ ВОСС

Он знает, где резать,
чтобы стало идеально

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ким Тёрн

Стандарт ВОСС

«Автор»

2026

Тёрн К.

Стандарт ВОСС / К. Тёрн — «Автор», 2026

Стеллан — один из лучших пластических хирургов, привыкший держать всё под контролем. В поисках совершенства, не тронутому скальпелем, он наконец находит ту, кто соответствует его стандарту. Нора — блогер, которая прячет за безупречной картинкой страх одиночества и... собственной крови. Одобрение и чужое мнение — её единственные ориентиры. Пока она не встречает Стеллана. Одержимость и искренняя любовь сталкиваются и перерастают в опасную смесь, где каждое желанное прикосновение оказывается сильнее здравого смысла. Стеллан начинает свой «проект». Нора цепляется за последнюю надежду. К чему приводит стремление создать идеал и отчаянное желание ему соответствовать? Внешние изменения почти всегда оставляют шрамы. А от внутренних не остаётся и следа. Никто даже не заподозрит, что были внесены корректировки.

© Тёрн К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	6
Плейлист	7
I	8
II	14
III	19
IV	26
V	32
VI	38
VII	44
VIII	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ким Тёрн **Стандарт ВОСС**

А какой у вас язык любви?

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Медицинская составляющая:

Сцены, связанные с хирургическими операциями, медицинскими процедурами и диагностикой, написаны с максимальной достоверностью на основе изученных источников. Однако данный текст не является медицинским руководством или инструкцией к каким-либо действиям. Вся информация представлена исключительно в художественных целях. При любых вопросах, касающихся здоровья, обращайтесь к квалифицированным специалистам.

Ингредиенты для приготовления токсичной смеси:

- *Тщательно промываем мозги путём газлайтинга.*
- *Маринуем в эмоциональной зависимости и созависимости, не жалея времени.*
- *Нарушаем личные границы острым лезвием.*
- *Приправляем небольшой щепоткой нецензурной лексики.*
- *Добавляем откровенные сцены сексуального характера для остроты.*
- *Подмешиваем гемофобию и панические атаки, чтобы смесь получилась тревожнее.*
- *Нарушаем медицинскую этику, игнорируя все инструкции.*
- *Приправляем одержимостью и идеализацией партнёра до полной потери чувства реальности.*
- *Подаём тому, с кем находимся в созависимых отношениях.*

Данное произведение содержит сцены и темы, которые могут вызвать дискомфорт у чувствительных читателей. Автор не романтизирует описанные модели поведения. Все персонажи и события вымышлены.

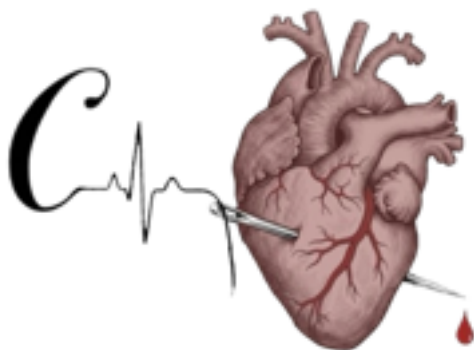
Плейлист

«*Head Over Heels*» — **Starset**
«*Wonderland*» — **The Word Alive**
«*Daddy Issues*» — **The Neighbourhood**
«*Tear You Apart*» — **She Wants Revenge**
«*The Provider*» — **Sleep Token**
«*Follow Me*» — **Tommee Profitt feat. Ruelle**
«*Skin Like Signals*» — **Drunken Night**
«*Can't It Be Love?*» — **BLVKES**
«*Good Girl*» — **Saint Vic**
«*Kiss Me*» — **Vita Lina**
«*I Want It*» — **Two Feet**
«*Nothing to Hide*» — **BLVKES & DIIA**

Сканируйте QR-код, чтобы открыть плейлист, или переходите по [ссылке](#) на сайт Яндекс.
Музыка

I

Женщина, сидящая напротив, не вызывает ничего, кроме раздражения. Она перебирает край папки длинными ногтями, и этот сухой шорох режет слух острее её голоса.

— Доктор Восс, вы меня слушаете?

Я поднимаю на неё взгляд. Я всегда слушаю. Это моя работа — слушать, как люди перечисляют свои недостатки, словно зачитывают меню в ресторане, где ни одно блюдо им не нравится. Она даже не замечает, что я смотрю сквозь неё, в окно за её спиной, где серое небо давит на стекло.

Пациентка двадцати шести лет сидит с папкой анализов на коленях. Она пришла на консультацию полчаса назад, и всё это время я слушаю, как она ненавидит свой разрез глаз. Она наклоняет голову, ловит мой взгляд, требует ответа.

— Хочу, как у вас, — вдруг заключает она.

Я откидываюсь на спинку кресла.

— Я азиат. Такая форма глаз не будет смотреться гармонично с вашими африканскими чертами лица.

— Гармонично? Ну и ладно. Зато у меня будут глаза, о которых я мечтаю.

Хорошо, что она не видит мою руку под столом, которую я сжал в кулак. Не для того я проводил бессонные ночи за учебниками до рези в глазах, чтобы потом стать пластическим хирургом, чья работа далека от идеала.

Идеал — что это вообще? Природа бывает жестока. Но и выражение, что красота в естественности, тоже не совсем верно.

Я пришёл в эту сферу именно за тем, чтобы делать людей лучше. Но одно знание того, что они становятся красивы только после того, как побывали на операционном столе, перечёркивает всю их идеальность. Внутри остаётся пустота, которую не зашьёшь хирургической нитью.

— Если вы настаиваете на своём, — я возвращаюсь к разговору и подаюсь вперёд, опираясь локтями о столешницу, — то вынужден вам отказать.

На лице пациентки появляется недовольная гримаса, делая её маленькие глаза ещё больше похожими на крысиные.

— Но я хочу сделать операцию именно у вас, — не унимается она. Голос становится выше, в нём прорезаются металлические нотки. — Мне сказали, что ваши работы безупречны.

Я медленно выдыхаю, отвожу взгляд в сторону, к диплому на стене в чёрной рамке, и возвращаю его обратно к ней.

— Так и есть, — без стеснения соглашаюсь я, выдерживая паузу. — Именно потому, что я берусь только за те случаи, где эта безупречность гарантирована.

Я поднимаюсь из-за стола. Кресло с тихим скрипом откатывается назад и ударяется о стену. Подхожу к пациентке, обхватываю пальцами подбородок, заставляю поднять лицо и всматриваюсь в черты.

— Исходник превосходный.

Мысли вырываются вслух, но женщина принимает это за комплимент — её губы расплываются в улыбке, глаза сужаются, на щеках проступает лёгкий румянец. Она не понимает. Она слышит только то, что хочет услышать.

— Но вот задача...

Я отпускаю её, выпрямляюсь и направляюсь к двери, поправляя на ходу халат.

— Через полчаса у меня плановая операция, так что консультация окончена.

Рука ложится на холодную металлическую ручку. Шаги за спиной, стук каблучков по кафелю.

— Подождите. Так вы согласны?

— Нет.

Оборачиваюсь через плечо и встречаюсь с ней взглядом. Она явно ожидала другого ответа. Её брови хмурятся, она прокручивает ситуацию в голове, перебирает мои слова, и я замечаю — на переносице не появляется ни одной морщинки. Кожа гладкая, как натянутое полотно. Значит, она уже давно порченный образец.

— Мисс, — я начинаю терять терпение, и голос становится жёстче. — Я не берусь за работу, которая потом не будет вызывать восхищения. Моё дело — создавать из людей образец совершенства. А то, что вы просите, будет лишь чёрным пятном в моём портфолио.

Она открывает рот, но её реакция на мои слова не имеет для меня никакого значения. Я выхожу из кабинета и прошу медсестру проводить пациентку к выходу.

Сегодня по плану — ринопластика. Женщина, сорок два года, горбинка на носу, которую она ненавидела всю жизнь. Я пролистал её старые снимки в карте перед консультацией — горбинка была там же. Тогда она не мешала. Мешать начала после развода.

В предоперационной я быстро принимаю душ и натягиваю стерильное бельё. От белоснежного халата исходит запах хлорки. Перчатки натягиваются на пальцы с лёгким хлопком, резина плотно облегает кожу. Шапочка сжимает голову.

В операционной пахнет озоном. Скальпели лежат по возрастанию размера, расходные материалы отсортированы по лоткам.

Свет лампы направлен на лицо пациентки, которую уже подготовили и погрузили в сон. К пальцу прикреплён пульсометр, её грудь размеренно вздымается при каждом спокойном вдохе. Ни лице — ни одной эмоции. Под наркозом все кажутся красивыми — мимические морщинки разглаживаются, мышцы расслабляются. Жаль, что в сознании они не такие.

Заходя в операционную, я перестаю думать о пациентах как о людях. Они — лишь задача. А я — исполнитель. Исправляю ошибку природы, которая мало задумывалась о совершенстве, когда лепила изъёмы на телах.

— Давление сто двадцать на восемьдесят, — докладывает анестезиолог. — Пульс шестьдесят пять.

— Начинаем.

Я на ощупь тянусь за нужным скальпелем, но в последний момент перевожу взгляд на столик, чтобы убедиться в верном выборе. Металл привычно ложится между большим и указательным пальцами.

Медсестра подаёт бинты, и сама отходит чуть в сторону, чтобы не мешать.

Разрез. Один, но чёткий. Рывки и давление недопустимы. Скальпель должен скользить по коже, как нож по маслу. Весь секрет в том, чтобы чувствовать сопротивление ткани, но не бороться с ним. Ты не режешь — ты ведёшь. Плоть сама подчиняется, если знаешь, как работать.

Кожа расходится под лезвием идеально ровной линией, выпуская наружу кровь. Я отслаиваю кожу от хряща аккуратно, миллиметр за миллиметром. Торопиться нельзя — оставишь хоть один неровный край, и вся работа насмарку. Медики называют это «хирургической техникой». Я называю это уважением к материалу.

Хрящ. Вот она, та самая ненавистная горбинка.

Стандартная процедура, ничего сложного. Лишнее срезается. Костная ткань подтачивается бормашиной. И зашивается.

Пыль летит в воздух, оседает на перчатках тонким слоем. В операционной пахнет палёным мясом — запах, который у некоторых вызывает тошноту, но я к нему привык.

Исправляю угол между хрящами. Подтачиваю, подгоняю. Представляю, как это будет выглядеть через месяц, когда спадут отёки. Прямая линия спинки носа, чуть приподнятый кончик — женственно, но не кукольно. Идеально.

Взгляд падает на руки в перчатках. Ни капли крови, хотя я только что кромсал человеческое лицо. В этом весь я — порядок, чистота, отсутствие хаоса.

— Зажим.

Ушиваю слизистую. Накладываю швы. Восемь узлов, каждый с одинаковым натяжением. Нити располагаются строго на равном расстоянии друг от друга.

Последний шов. Разрезаю нить.

— Тампоны в нос. Готово.

Настенные часы указывают, что я справился за сорок семь минут.

Перчатки летят в контейнер для биологических отходов. Руки чисты. Как и моя совесть. Я дал этой женщине то, что она хотела: красивый носик. Она будет счастлива пару месяцев, а потом найдёт новый дефект. Губы, скулы, лоб — очередь дойдёт до всего. Они все такие. Приходят с одной проблемой, уходят с другой.

Мне не нужен халат, чтобы быть хирургом. Я им становлюсь в тот момент, когда открываю глаза. И всё же ночной город — лучший момент, чтобы отдохнуть от работы. Днём он кишит надутыми губами, неподвижной мимикой, которые никогда не принадлежали природе. К вечеру от них начинает ломить голову. Поэтому ночью я выезжаю на трассу. Через несколько километров голоса пациентов наконец затихают. Только ветер, скорость и я.

Я выезжаю на пустое шоссе. Шум мотора заполняет голову, заглушая голоса пациентов и их претензии. Холодный воздух режет кожу даже через куртку.

В гараже двигатель еще пару секунд потрескивает, остывая. Я снимаю шлем, запускаю пальцы во влажные волосы и захожу в дом.

Частный дом за городом — не прихоть и не статус. Это обычное желание не видеть никого. Ни одного лица, которое сразу становится предметом для изучения. Здесь только я и покой.

Гостиная встречает меня тем же, чем и утром — тишиной и стерильностью. Никаких фотографий в рамках, никаких безделушек, сувениров и прочего визуального шума. Чистота — единственное украшение, которое я признаю.

Я прохожу на кухню, наливаю воды, прижимаюсь плечом к окну и смотрю в темноту за стеклом.

Решаю принять душ, стягивая на ходу одежду, и бросаю её в корзину для грязного белья. Горячая вода смывает с кожи запах больницы. Я тру лицо ладонями, будто пытаюсь стереть с себя все просьбы и претензии нескончаемых пациентов.

Натянув хлопковые штаны и футболку, иду на кухню и завариваю чёрный чай перед сном. Этот ритуал стал моим ещё со времён учёбы в университете. Пока другие студенты коротали вечера на тусовках с пивом, я сидел в своей комнате с чашкой, не отрывая глаз от учебников. Да и распивать алкоголь в шестнадцать — под запретом. Не только по закону, но и по моим внутренним уставам.

Окончив школу экстерном, я в тот же год шагнул на новый этап жизненного пути. Четырнадцать экзаменов за два месяца, ночные зубрёжки, стопки исписанных листов и чувство, что я выжимаю из себя последние капли, чтобы сдать всё разом. И я сдал. Получил аттестат раньше сверстников и уже через неделю стоял в аэропорту с одним чемоданом и папкой документов.

Быть самым молодым студентом на курсе оказалось не так сложно, как это представляли себе мои родители. Они рисовали картины, где меня будут травить старшекурсники, где преподаватели не воспримут всерьёз, где я не справлюсь с нагрузкой и вернусь. Ничего такого не случилось.

Пока они переживали о моём слишком юном возрасте для переезда в другую страну, меня волновало лишь одно — поскорее получить образование. Схватить диплом, обойти всех, кто старше и опытнее, и приступить к тому, ради чего я всё это затеял. Делать этот мир красивее. Я не думал о том, что мне двадцать, когда остальным уже под тридцать. Я думал о скальпеле.

Благодаря дополнительным летним семестрам и постоянным перезагрузкам по количеству предметов, мне удалось успешно окончить колледж всего за три года. Дальше — четыре года медицинской школы, совмещённая программа общей медицины и пластической хирургии, трёхлетняя практика. И долгожданная работа. Всего за три года я построил себе имя. Открыл собственную клинику и являюсь тем врачом, к которому запись забита на месяцы вперёд.

До сих пор находятся те, кому проще сказать, что невозможно достичь такого уровня успеха в тридцать три года. Я часто слышал эти разговоры за своей спиной. Им проще списать всё на богатых родителей и связи.

Что ж, глупо скрывать, что деньги имеют значение. Но они помогли мне иным способом. Доплачивая дежурным сотрудникам, ночами я пробирался в кабинеты и тренировался на свиных ушах, когда в морге заканчивались материалы. Резал и сшивал снова, пока не доводил до совершенства каждый шов. Намеренно мог провалить экзамен по анатомии, чтобы пересдать на высший бал. Изо дня в день мне приходилось доказывать, что я не просто «мальчик с деньгами, который решил поиграть в доктора со скуки».

Но то время прошло. И теперь оправдываться я не собираюсь. Мои работы и репутация говорят сами за себя.

Я сажусь в кресло у окна с видом на густой лес, где за стеклом чернеют стволы вековых елей. Из приоткрытого окна слышно, как ветер шевелит сухую хвою. Привычно достаю телефон из кармана и открываю приложение.

Соцсети — моя тёмная сторона. Днём я режу лица. Ночью — смотрю на то, как их уродуют другие. Пестрящая лента пролетает перед глазами бесконечной чередой. Губы, подбородки, талии, выточенные липосакцией до неестественных пропорций. Всё искусственное и одинаковое. Только имена под фотографиями отличают их друг от друга. Я смотрю на эти лица, и в висках начинает пульсировать.

Я оставляю остывший чай на столик и массирую переносицу пальцами, но боль не уходит. Продолжаю листать. Взгляд цепляется за каждый снимок, и где-то в глубине сознания рабо-

тает программа, которую невозможно отключить. Этому бы скулы чуть шире, той бы убрать носогубную складку.

Профессиональная деформация.

Стоп.

Палец зависает над экраном.

Кто это?

Я останавливаюсь на фото, даже не поняв сначала, почему. Лента перестаёт скользить. Обычное селфи в зеркале ванной комнаты, такое же, как у миллиона других девушек.

Но это лицо... Оно заставляет меня наклониться ближе к экрану и приблизить снимок.

Живые кости под живой кожей. Мягкие скулы. Круглые, светло-карие глаза, обрамлённые густыми ресницами. Идеально ровный нос. Губы... Тонкая верхняя, чуть полнее нижняя — пропорция один к полутора. Античные каноны. Если мысленно разделить её лицо вертикальной линией, то обе стороны будут зеркалить друг друга. Полная симметрия.

Я увеличиваю снимок до максимума и вглядываюсь в каждую линию. Даже волосы не тронуты краской — пепельный блонд только подчёркивает безупречность её внешности. Не маска, натянутая на скелет, а живая ткань, которая дышит.

Я вижу это так же чётко, как вижу ошибки на рентгеновских снимках.

Профиль открыт, и я погружаюсь, как в трясину.

Блогер. Сто тысяч подписчиков. Бессмысленные посты о жизни — что ела, где была, о чём думала. Но в каждом — это лицо. Идеальное лицо.

Я листаю её страницу двадцать минут. Может, тридцать. Я потерял счёт. И, продолжая просматривать снимки, каждый раз я нахожу новые детали.

Внимание привлекает один пост. Незнакомка окружена кучей коробок. Она стоит в центре этого хаоса, улыбается в камеру, и её лицо кажется почти неуместным на фоне общего беспорядка. Глаза пробегаются по тексту под фото. Покупка квартиры. Она недавно переехала, пишет, что хотела бы почувствовать себя самостоятельной, но мама всё равно звонит каждые три часа и спрашивает, поела ли она.

Следом — снимок с видом из окна, где в кадр попала вывеска мексиканского ресторана.

Я тут же открываю карту. Ресторанов с таким названием оказывается три в нашем городе.

Но я попадаю с первого раза.

Восемь минут езды на мотоцикле.

Чёрт.

Вокруг аватарки появляется надпись: пользователь начал прямой эфир. Заметит ли она меня среди кучи других зрителей? Сотни, а может, тысячи имён мелькают в чате, и моё затеряется среди них, как капля в океане. Но удержаться невозможно. Я нажимаю на экран раньше, чем успеваю себя остановить.

Эфир открывается. Из динамиков доносится нежный голос, и это первое, от чего я перестаю дышать. В меру звонкий, мягкий, с лёгкой хрипотцой, которая появляется, когда она смеётся. Каждый звук, слетающий с розовых губ, завораживает. Я смотрю на неё, а она даже не подозревает о моём пристальном внимании. В статике она кажется ещё лучше.

Палец тянется к экрану. Я провожу по изображению, и на секунду во мне просыпается глупая надежда, что если нажать сильнее, я смогу вживую прикоснуться к тёплой коже. Всё вокруг погружается во мрак и перестаёт существовать. Только её идеальное лицо, пьянящий голос, милая улыбка. Я сижу в этой темноте и смотрю на свет, который идёт из телефона.

Покой нарушен.

Я отключаю эфир и кладу телефон на колени экраном вниз. Допиваю остывший чай одним глотком. Встаю рывком, иду в ванную и включаю воду. На этот раз — ледяную. Стою под ней, пока струи хлещут по плечам, и пальцы не начинают неметь. Закрываю глаза, но её лицо не идёт из головы.

Кто ты? Как тебя зовут? Откуда ты такая идеальная?

Я выключаю воду, смирившись, что вода не смоет навязчивых мыслей. Смотрю на себя в зеркало — мокрого, с застывшим лицом, с глазами, которые никогда не загорались.

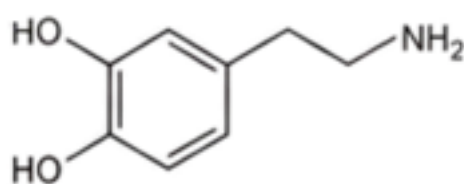
— Ты sdурел, Восс, — говорю я себе, когда в голове мелькает идея. — Тебе правда это надо?

Но я уже знаю ответ. И быстро набираю сообщение в социальной сети.

Я найду её. Для того, чтобы убедиться, что она так же совершенна вживую. И если она и правда соответствует стандарту Восс...

Она станет тем идеалом, который я так долго искал.

Dopamine (Дофамин) — мотивирует, вызывает удовольствие, усиливает предвкушение награды, формирует привычки.

Dopamine

II

Куча не разобранных коробок по всей квартире мозолит глаза — портит весь вид, который я себе так тщательно рисовала в голове. Я стою в дверях гостиной и обвожу взглядом эти картонные горы. У меня уже давно зреет мысль снять видео про своё новое красивое жильё. Но разбирать вещи нет абсолютно никакого желания. Честно говоря, даже подступиться к первой коробке — уже подвиг.

Надо будет на днях попросить маму и сестёр помочь с этим.

О собственной квартире я мечтала давно. Чтобы всё было исключительно по моему вкусу: мягкая обивка мебели, пушистые ковры повсюду, множество подушек, всё в разных пастельных тонах. И пусть теперь это помещение больше смахивает на плюшевый островок рая, где можно в прямом смысле словить сахарную кому от ванильности — зато он мой.

Ничего не надо делить, ни с кем не надо договариваться. Без двух надоедливых старших сестёр, которые вечно суют нос, и родителей с их гиперопекой, от которой иногда хочется выть. В этой квартире я могу просто лежать на полу и смотреть в потолок, и никто не спросит, почему я не занята делом.

Взрослая жизнь — это когда ты сама выбираешь, какой хлеб купить в магазине, а потом забываешь его съесть, и он плесневеет на столешнице. Никто не прочитает лекцию о том, как ты не бережёшь продукты. Потому что это мой хлеб и моя плесень. Никто не придёт и не начнёт переставлять кружки в шкафу так, как считает правильным. Не спросит, почему я не вытерла пыль и не выбросила мусор. В этом есть что-то приятное.

Открываю холодильник, разочарованно смотрю на пустые полки и снова закрываю. Прохожу в гостиную, падаю на диван и поджимаю под себя ноги. В воздухе танцуют пылинки. Такая тихая свобода.

Мама продолжает звонить каждые три часа, будто у неё встроенный таймер в голове. Она никогда не рассказывает о себе — только вздыхает в трубку и задаёт одни и те же вопросы. Но мне нравится, что ей не всё равно. В этом есть своя странная безопасность.

Через полчаса начнётся прямой эфир. Я транслирую реальную жизнь без напускного пафоса. Если всё слишком гладко, зрители либо решают, что ты врешь, либо злятся от зависти. Я не хочу ни того, ни другого. Мне важно принятие. Чтобы меня ценили за то, что я такая же, как они. Пусть это и не совсем так.

Я останавливаюсь перед зеркалом в прихожей и поправляю волосы. Провожу пальцами от корней к концам, сбивая укладку, — нужно, чтобы локоны казались чуть растрёпанными, будто я только что встала и даже не смотрела в зеркало. Хлопковую рубашку сминаю в пальцах, пуговицы застёгиваю через одну, оставляя ключицы открытыми. Я переоделась уже пять раз, прежде чем нашла нужный баланс.

Затем приступаю к подготовке. Штатив для телефона ставлю у окна, разворачиваю лампу так, чтобы свет падал на стену, которую я украсила семейными фотографиями и гирляндами. Проверяю зарядку — семьдесят два процента. Хватит на час эфира, точно. Смахиваю пыль с объектива пальцем, делаю шаг назад и встаю в кадр.

Нажимаю кнопку «Прямой эфир».

— Всем привет! — я улыбаюсь в камеру той самой улыбкой, которая нравится подписчикам. Не слишком широкой, не слишком натянутой.

Через три секунды появляются первые зрители. Пять, десять, двадцать.

— Сегодня у меня не очень продуктивный день, — говорю я в телефон, не читая комментариев, потому что они только начали появляться. — Съездила в магазин, купила крупу и овощи. Не спрашивайте, что я буду из этого готовить, потому что я сама не знаю.

«Ты такая красивая!»

«Какие милые фонарики на фоне! Мне нужна ссылка!»

Комментарии летят быстрее, чем я успеваю их читать. Текст мелькает в чате сплошным потоком — вопросы, сердечки, смеющиеся смайлы, длинные сообщения, которые обрываются на середине.

Я смотрю в экран и ловлю взглядом отдельные фразы, выхватываю их из этой каши, как нитки из клубка.

Кто-то просто отправляет сердечки, заполняя экран розовыми значками. А один постоянный зритель спрашивает про книгу, которую я порекомендовала на той неделе. Я нашла её по отзывам и вовсе не читала сама. Приходится ответить уклончиво и перевести тему.

Мне нравится, что меня слушают. Когда в ленте комментариев мелькает: «Ты стала для меня примером», «Спасибо, что учишь себя любить», — я чувствую тепло, разливающееся под рёбрами. В эти секунды я верю, что всё это не зря.

Аудитория в курсе высокого положения моей семьи. Трудно оставаться незамеченной, когда в один период лицо папы мелькало в каждой новости, а мама то и дело рассказывала журналистам обо мне. Но я смогла убедить зрителей, что я обычный человек. Что деньги на счету не делают меня особенной. И они поверили.

Я и правда не считаю себя выше других. Да, мне доступно больше, благодаря высокому финансовому положению. Да, имея всё это, я вряд ли согласилась бы на меньшее. Но мне удалось развеять дурацкий стереотип, что все богатые дети — зазнавшиеся выскочки. И зрители полюбили меня за это сильнее.

Здесь я говорю, а они пишут. Потом я отвечаю, и мы общаемся строчками — это идеальный формат. Я вижу вопрос, могу прокрутить его в голове, подобрать слова, пока никто не успевает заметить паузу. Никто не смотрит в мои глаза и не считывает настоящую реакцию.

В реальной жизни всё куда сложнее. Неудобные вопросы прилетают прямо в лицо, их нельзя пропустить или сделать вид, что не заметила. Я ясно вижу, как человек ждёт ответа, и дыхание спирает от того, что нельзя удалить чужую фразу с негативным посылом, как в чате. Нельзя в любой момент нажать кнопку «отключить», выдохнуть и остаться в тишине для передышки.

— Да, я всё ещё не высыпаюсь из-за переезда, — отвечаю на очередной комментарий про круги под глазами. — У меня, кстати, своя жизненная философия: недосып придаёт шарма, который делает девушку похожей на героиню французского кино. Вот я сейчас — вылитая французская героиня. Которая не мыла голову два дня и забыла поужинать.

«У меня тоже круги под глазами, я всю жизнь с ними борюсь».

— Зачем? Мелкие изъяны делают тебя живой.

Мой монолог прерывает новый комментарий: *«Давай встретимся, угощу тебя кофе».*

Я старательно делаю вид, что не заметила, хоть мне и хочется улыбнуться от такого проявления внимания.

Такое довольно часто происходит в эфирах. Обязательно найдётся мужчина, который думает, что у него есть шанс. Я могла бы ответить: «Извини, я не встречаюсь с незнакомцами». Но тогда придётся объяснять почему. А причина проста — я не умею общаться с людьми вживую. Потому что в реальности я не смешная французская героиня. В реальности я молчу, смотрю в пол и заказываю ещё один латте, только чтобы не поднимать глаза.

Я не умею знакомиться. Не умею флиртовать. Не умею поддерживать разговор, когда человек стоит напротив и ждёт от меня слов.

По переписке я могу быть кем угодно. У меня есть время подумать, и я успеваю отредактировать, удалить, переписать. В реальности времени нет. Реальность требует реакции здесь и сейчас. А мне важно оставлять после себя только приятное впечатление.

— Ой, кто-то спросил про мою кожу, — говорю я, потому что следующий комментарий уже про уход. — Я ничего особенного не делаю. Умываюсь обычной водой, иногда мажу кремом. Наверное, это генетика.

«В прошлый раз цветов не было. У тебя появился парень?»

Кто-то замечает букет на фоне, который утром прислал мне папа в честь переезда.

— Не появился, — честно отвечаю я. А потом приукрашиваю правду. — Курьер доставил. Без записки. Но это не так важно. Мне комфортно одной.

Это правда. И неправда одновременно.

Мне проще быть одной, потому что я не знаю, как вести себя с мужчинами. Мне уже двадцать три, а отношений никогда не было. Я пыталась, правда. Подстраивалась, чтобы понравиться. Они смеются — я смеюсь. Они говорят про отпуск — я говорю про отпуск. Но внутри я думаю: «Пожалуйста, не задавай мне вопрос. Пожалуйста, не смотри на меня так пристально. Пожалуйста, дай мне уйти».

Мужчины не находят меня интересной. Всё их восхищение испаряется спустя пару минут общения. Сначала они улыбаются, делают комплименты, но как только я начинаю говорить, и они видят меня настоящую, их взгляд тускнеет.

Родители с самого детства вложили в меня простую истину — я достойна любви. Чтобы обо мне заботились, переживали, помогали в желании сделать мою жизнь комфортной. Я выросла с этим знанием, но в реальной жизни оно не находит отклика.

Поэтому я в онлайн. Здесь я в своей тарелке. Потому что камера — это не глаза, а просто объектив.

Эфир идёт уже полчаса. Зрителей — тысяча двести. Не очень много, как бывает обычно. Зато без тех, кто иногда заходит, лишь бы оставить гадкий комментарий.

— Ладно, я закругляюсь. Всем спасибо, кто был со мной сегодня. Всем поцелуйчики. Пока!

Я нажимаю «Завершить».

Зря я про еду сказала. Теперь хочется есть. Надеюсь, в эфире не было слышно, как урчал мой желудок от голода. Сейчас бы запечённой под травами рыбы на подушке из картофельного пюре... Но я даже яичницу пожарить не могу без происшествий.

Я кидаю телефон на диван и потягиваюсь, слыша, как хрустят позвонки. Тру шею, запрокидываю голову и смотрю в потолок.

«Мне так понравилась идея коллажа с семейными фото на стене, тоже так сделаю», — приходит комментарий под последним постом.

Семья... Наверное, нашу можно назвать самой типичной. Отец — владелец собственного бизнеса, который всю жизнь ищет новые способы заработать, чтобы обеспечить нас. Он постоянно в разъездах, его редко можно встретить за ужином, но его присутствие чувствуется через слово «оплачено» на каждое моё желание.

Мама — хранительница очага. В доме всё сверкает от чистоты до такой степени, что страшно дышать лишним раз. Каждый приём пищи — только свежеприготовленный, даже если

никто не голоден. За столом должны присутствовать все без исключения и вести тёплые семейные беседы. А ухоженному саду, в котором она проводит долгие часы на коленях с секатором, завидуют все соседи.

И мы, три сестры. Самая старшая, Мэгги — эталон сдержанности и пример для подражания. Она никогда не повышает голос, её твёрдый тон звучит весомее любых аргументов. Я всегда смотрела на неё с восхищением. В детстве копировала её поведение, стараясь стать такой же. Как-то так сложилось, что она стала для меня авторитетом, хоть я никогда не произносила этого вслух.

Кейт — надоедливая задира, что часто присуще средним детям: она сначала специально провоцирует, а потом откровенно насмехается. Вечно врывается в комнату без стука, задевает плечом, когда проходит мимо. Вот по ней я буду скучать меньше всего.

И я — Нора. Родители были уже в возрасте, когда я появилась на свет. Мама часто рассказывает, как мечтала о третьем ребёнке, но у них с папой долго не получалось. И тут долгожданная новость о беременности. Наверное, поэтому меня всегда берегли чуть сильнее, чем сестёр.

С Мэгги у нас никогда не было близких отношений — слишком большая разница в возрасте и в том, что нам позволяли. С Кейт мы только ругались из-за её вечных подколов на тему моего детского поведения. Её почему-то злит, что родители всегда встают на мою сторону. Но ведь она первая начинает конфликты на пустом месте: намеренно выводит меня на эмоции, а потом осуждает за реакцию.

Не так давно Мэгги вдруг объявила за ужином, пока мама раскладывала горячее, что выходит замуж за своего зануду-жениха. Мама чуть не уронила блюдо от неожиданности. А папа только кивнул с серьёзным лицом. Он никогда не ставил под сомнения выбор старшей дочери, доверяя каждому её решению. В какой-то степени это вызывало во мне зависть и желание быть такой же, как Мэгги. Чтобы тоже быть в глазах родителей взрослой и мудрой.

Кейт, узнав о новости о скорой свадьбе сестры, в своей привычной манере хмыкнула и заявила, что и она скоро переедет к парню. Чтобы я, понимаете ли, осталась единственным ребёнком в родительском доме и наконец купалась в их любви без «конкуренсток». Сказала это с такой едкой улыбкой, будто я виновата в её дурном характере.

За этими воспоминаниями, я не замечаю, как оказываюсь сидящей на полу. Ладонь скользит по пушистому ковру, перебирая длинный ворс. Я тянусь к ближайшей коробке, открываю её и нахожу то, что желательно спрятать как можно скорее, пока никто это не увидел.

Зависть к сёстрам, которые всегда купались в мужском внимании, и желание быть взрослой в конце концов толкнули меня на то, что я тайно купила вибратор. Благо, родители давно перестали отслеживать мои платежи, просто скидывая мне средства на личные расходы.

Решиться воспользоваться им было страшно: покупка долго лежала запечатанной в коробке в самой глубине комода с нижним бельём. А потом я всё-таки сделала этот шаг. Осталась одна, задёрнула шторы, несколько раз проверила, закрыта ли дверь, и вдохнула так глубоко, как перед прыжком в воду.

Внизу живота потянуло. Знакомое, почти забытое за последние дни чувство. Оно вечно приходит не вовремя. Низ живота пульсирует напоминанием, и я зажмуриваюсь.

Но вдруг вспоминаю, какое сегодня число. Завтра должны начаться месячные, цикл, к счастью, у меня регулярный, и никогда не устраивает мне неприятных сюрпризов.

Ненавижу эти мучительные пять дней в месяц. Плевать на дискомфорт — из дома я выхожу крайне редко. Но вид крови... уже от одной мысли ладошки покрываются потом...

Я подскакиваю и иду в ванную.

В ящике под раковиной нахожу упаковку с одноразовым бельём для таких случаев. Их я перевозила из родительского дома в ручной сумке, чтобы потом не искать среди коробок в этом бардаке.

Одноразовое бельё — моё спасение. Так я не вижу крови. Она впитывается в этот странный, похожий на бумагу слой, и я просто... не вижу. Не знаю, в какой момент исчезает необходимость его смены. Просто меняю бельё каждые два часа на протяжении пяти дней. И ни разу не опускаю глаза вниз. И мир не рушится, пока я смотрю прямо перед собой.

Со стороны это, наверное, выглядит глупо. Но у меня есть страхи, о которых я не говорю в эфире. Их не вставишь в красивую историю про любовь к себе и принятие.

Надев бельё, чувствую облегчение. Теперь не о чем беспокоиться. Я выключаю свет в ванной и иду на кухню. Ставлю чайник. Достāju кружку с надписью «Королева драмы» — подарок от Кейт. Насыпаю заварку прямо на дно, и заливаю кипятком.

Телефон пиликает. Сообщение в директ.

«У вас очень гармоничное лицо».

Обычно я игнорирую личные сообщения. Но это перечитываю дважды. Я открываю аккаунт отправителя, чтобы понять, кто может сделать такой странный комплимент. Страница открыта, но ни аватарки, ни личных фото в ленте.

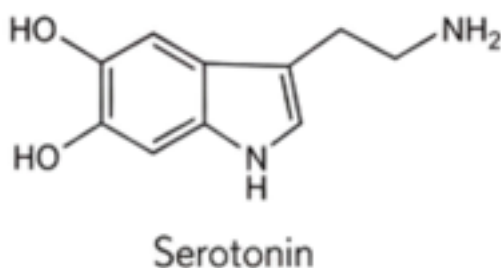
«Гармоничное лицо». Не «красивое», не «милое», а «гармоничное». Какая необычная оценка внешности...

Я решаю не отвечать просто потому, что не знаю как. В этот раз обычное вежливое «спасибо» вдруг кажется неуместным и слишком простым. Хочется, чтобы мой ответ соответствовал.

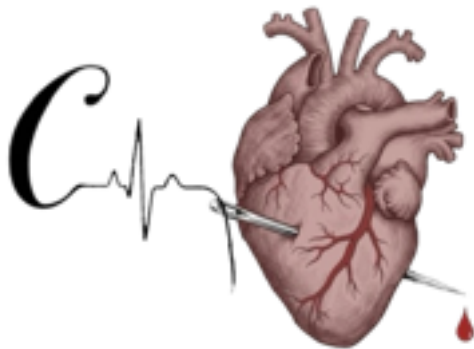
Поэтому я просто закрываю сообщение, нажав на крестик в углу экрана. В этом общении в сети и имеет преимущество. Можно сделать вид, что сообщение не прочитано, дав себе возможность продумать достойный ответ.

Я сажусь на диван с кружкой чая и укутываюсь в плед. Но почему-то снова открываю сообщение и долго на него смотрю.

Serotonin (Серотонин) — регулирует настроение, поддерживает чувство удовлетворённости, эмоциональную стабильность и сон.

III

Завтрашний рабочий день должен начаться с плановой операции в семь утра. Мне следовало бы лечь спать. Здоровый полноценный сон важен, чтобы рука не дрогнула в ответственный момент. Одно неверное движение способно стоить человеку жизни. Обычно этого достаточно, чтобы я без колебаний выбрал постель вместо бессмысленных ночных поездок.

Но сегодня всё летит к чёрту.

Я не устоял перед соблазном. Рванул по ночным дорогам города. К ней. Чтобы убедиться, что мне не показалось.

Стрелка спидометра ползёт вверх. Карта показывает, что до пункта назначения ехать восемь минут. Я крепче сжимаю руль и сильнее давяю на педаль газа. Пять. Мне хватит пяти.

Встречный ветер с силой бьёт в шлем. Двигатель урчит, отдавая вибрацией в ноги и ладони. Стоит чуть сильнее повернуть руль, и тяжёлый байк мгновенно откликается.

Для некоторых мотоцикл — это чувство свободы. Для меня — контроль над балансом. Когда ты мчишься на скорости, у тебя не остаётся права на ошибку. Как и в моей работе.

Вода из луж плещет в стороны под колёсами, как брызги крови. Шины скользят по асфальту под моим управлением резко, чётко — также, как скальпель по коже.

Только вместо маски — шлем. Вместо хирургических перчаток — мотоциклетные. А белоснежный халат сменился чёрной кожанкой.

Припарковав байк возле нужного ресторана, я остаюсь сидеть и вглядываюсь в дом напротив. Фасад из каменной отделки с панорамными окнами и французскими балконами. Это пятиэтажное здание с единственным подъездом построили совсем недавно.

Я в курсе, потому что собирался снять тут помещение на первом этаже для второго филиала клиники, где проводились бы консультации. Тогда это казалось удачным вложением. Удобное расположение, новый район, хорошая проходимость. Но передумал, решив, что в этом нет острой необходимости.

Я мог бы быть к ней так близко...

В некоторых окнах свет ещё горит. За шторами мелькают чужие силуэты. Но нужного разглядеть не удаётся. Я не отвожу взгляд, продолжая всматриваться.

Где же ты? Ты существуешь?

Я даже не знаю её имени, чтобы спросить у соседей, не в курсе ли они, где проживает незнакомка. В профиле значится только буква «Н». Этого слишком мало. С таким же успехом её могло вовсе не существовать.

Открыв на телефоне тот самый снимок вида из её окна, я пытаюсь примерно предположить, где находится квартира. Увеличиваю фотографию, перевожу взгляд с экрана на фасад, снова на экран. Но определить на глаз практически невозможно.

Дорога забита машинами, стоящими на красном светофоре. Не дойдя до пешеходного перехода, я лавирую между ними и оказываюсь на другой стороне улицы. Несколько водителей раздражённо сигналият мне вслед, но я даже не оборачиваюсь. Всё внимание приковано к дому передо мной.

Чёртов кодовый замок на высоком заборе.

Обхожу периметр в поисках входа или хотя бы незаметного места, чтобы можно было перелезть через ограждение. Шаг за шагом осматриваю забор, кусты, каждый тёмный угол. Но тщетно. Прохожие уже косятся на меня, когда я подозрительно рассматриваю дом, стоя в шлеме. Пожалуй, со стороны я действительно выгляжу странно.

Я возвращаюсь к главному входу. Останавливаюсь и ещё раз поднимаю взгляд на окна. Как вариант, можно просто написать ей: «Эй, я под твоим окном, выходи знакомиться». Скорее всего она не выйдет, но уверен, что из окна выглянет ради интереса. А мне достаточно для начала лишь узнать, в какое окно смотреть.

Со стороны раздаётся звук открывающейся двери и громкий смех, когда из подъезда выходят два подростка. Один что-то оживлённо рассказывает второму, размахивая руками. Отлично, это мой шанс.

Я отхожу в тень и жду. Сердце отбивает размеренный ритм, пока взгляд не отрывается от калитки. Как только они открывают её, я срываюсь с места и делаю вид, что бегу в их сторону.

— Придержите, пожалуйста! — выкрикиваю на ходу.

К счастью, вопросов у них не возникает.

— Спасибо, — обращаюсь к ним, а затем притворяюсь что ищу что-то в карманах. — Вот чёрт. Забыл ключи. Откроете дверь в подъезд?

Парни кивают, и один из них идёт со мной, чтобы помочь. Не сообразив уточнить, как я собираюсь попасть в квартиру без ключей, он не дожидается слов благодарности и возвращается к другу.

А я теперь стою в просторном подъезде. Здесь непривычно тихо. Где-то наверху глухо хлопает дверь, на несколько секунд слышатся шаги, после чего снова воцаряется тишина. Снять шлем так и не решаюсь. Не хочется лишний раз светить лицом под камерами. Вряд ли кто-то станет просматривать записи без причины, но привычка просчитывать последствия оказывается сильнее.

Поднявшись на второй этаж, я выглядываю из узкого окна и сравниваю его с фото. Несколько секунд внимательно изучаю ракурс, после чего убираю телефон. Нет, вид определённо не тот. Нужно подняться выше. Третий этаж тоже не приносит нужного результата.

Добравшись до четвёртого, в мозгу щёлкает. Я снова открываю фотографию и перевожу взгляд с экрана на улицу, сверяя детали. Совпадает.

На площадке только три квартиры. Я внимательно обхожу взглядом каждую дверь. Судя по ракурсу на фото, сомнений, какая именно квартира её, не остаётся.

Меня как магнитом тянет подойти к нужной двери. Прислониться, попытаться услышать шорох за полотном, убедиться, что она там. Ладонь сама тянется к ручке, но в последний момент я останавливаю себя.

Квартира номер восемь. Даже эта цифра выглядит правильно. Замкнутая форма. Идеальная симметрия.

Внимание привлекает отпечаток пальца на металлической дверной ручке. Он едва различим, но взгляд цепляется именно за него. Почему даже он кажется мне идеальным? Жажда найти что-то безупречное в этом мире окончательно затуманила мне разум. Или дело уже не в мире, а в ней.

Чтобы вернуть в мысли хоть какой-то порядок, я тщательно стираю отпечаток с блестящей поверхности рукавом. Медленно провожу по металлу ещё раз, пока на нём не остаётся ни единого следа. Теперь — чистота и порядок.

Я спускаюсь, стараясь обращать внимание на каждую мелочь, чтобы не заикливаться на навязчивой идее постучаться к незнакомке. Пыльный дверной коврик на третьем этаже. Съехавшая картина на втором. Всё машинально откладывается в памяти, словно однажды может пригодиться.

На первом вообще хаос. На этом этаже нет квартир, все помещения предназначены для коммерции. Всюду разбросаны строительные материалы. В воздухе стоит запах сырого бетона и штукатурки. Рука скользит по перилам, к пальцам липнет известковая пыль, и я машинально растираю её между подушечек. У стены грудой лежат мятые мешки с цементом, рядом валяются обрезки арматуры, ржавые уголки.

Вернувшись к мотоциклу, я поднимаю голову к окнам четвёртого этажа. Там, из-за плотной шторы, пробивается тонкая полоска света. Взгляд невольно задерживается на этом окне. Где-то за ним сейчас она. Совсем рядом. Настолько близко, что это ощущается почти физически.

На телефон приходит уведомление об отклонении от графика, который я лично вбил в телефон, чтобы не нарушать режим. Холодный кусок металла возмущается, что геолокация его хозяина далека от дома. Самое время — крепко спать на прохладной простыне.

Твою мать, как же мне увидеть эту незнакомку?

Я оборачиваюсь через плечо на высокий дом. В отличие от того, в котором живёт цель моего преследования, этот выглядит куда хуже. Облупленная фасадная краска, обшарпанные оконные рамы. На некоторых балконах свалены старые коробки и ненужные вещи. Где-то потрескалась штукатурка, а стены покрылись тёмными разводами от дождя. Далеко от идеала.

Зато близко к другому идеалу.

В голове мелькает абсурдная мысль: выкупить в этом старом доме какую-нибудь квартиру. Я ещё раз окидываю взглядом фасад. К счастью, в этом случае деньги легко помогут мне достичь совершенства. Пара банок дорогой краски, мебель на заказ, необходимая бытовая техника... и это станет моим логовом.

Пальцы сжимаются в кулак от этой мысли. Я чувствую, как натягивается кожа на костяшках, и только через несколько секунд заставляю руку расслабиться. На выдохе разжимаю пальцы и поправляю воротник куртки.

Взгляд снова возвращается к окнам четвёртого этажа. Мысль кажется безумной. Но почему-то уже не выглядит невозможной.

Можно даже поэкспериментировать с дизайном. Создать подобие музея. Стены будут украшены фотографиями её идеальных черт лица и изгибов тела. Чтобы каждый кадр открывал новую грань совершенства. Широкие зеркала в полный рост на каждой стене... Чтобы через её отражение можно было изучать, как играет разное освещение на фарфоровой коже.

И пьедестал. Куда она встанет как безупречный экспонат и главное украшение.

Я запрокидываю голову, смотрю на верхние этажи, прикидывая, откуда будет лучше падать свет в разное время суток. Губы трогает короткая усмешка. Мысль настолько нелепая, что любой другой счёл бы её безумием. А мне она кажется самой правильной.

Как же бесит, что на это всё требуется слишком много времени... Я спешил всю свою жизнь, сколько себя помню. Но обстоятельства сложились так, что в данный момент от меня мало что зависит.

— Блять... — выдыхаю это слово себе под нос.

Я стараюсь не позволять себе ругаться матом. Такое происходит лишь в те моменты, когда я действительно на взводе. Как сигнал — слово вырвалось, значит пора брать себя в руки.

Если я как можно скорее не решу вопрос, то годы труда пойдут к чёрту из-за недосыпа.

Всю ночь я проворочался из-за зуда, который поселился под кожей и не давал покоя. Стоило сознанию начать проваливаться в сон, как мысли о *ней* возвращались и вытаскивали меня обратно. К утру в висках неприятно пульсировало.

На сегодняшней операции рука дрогнула. Всего на долю секунды. Я успел остановиться в миллиметре от кожи, и скальпель не оставил на пациентке уродливый шрам.

Это промах, Восс... непростительный.

Откладывать задуманное становится невыносимо. Это чувство с каждой минутой ползается внутри отравляющей паутиной, не позволяя сосредоточиться ни на чём другом. Операций на сегодня больше не запланировано, поэтому я отменяю все консультации. Ждали несколько месяцев — потерпят ещё. А я терпеть не намерен.

Добравшись до того самого дома, голова взлетает вверх. Я задерживаю взгляд на знакомом окне на несколько секунд, словно проверяя, что оно никуда не исчезло.

Улица кишит толпой. С мексиканского ресторана доносятся голоса и звон посуды. Машины медленно ползут по дороге. Обычная городская суeta.

Сколько бы я ни бежал от визуального шума, в итоге оказался чуть ли не в его центре. Но впервые соседство с кучей людей меня не напрягает. Всё вокруг превращается в размытый фон. Моё внимание снова и снова возвращается к окнам напротив.

В старом доме отсутствуют кодовые замки на дверях подъездов, поэтому оказаться внутри не вызывает трудностей. Дверь открывается с протяжным скрипом, впуская меня в прохладный полутёмный подъезд.

Лифта нет, а мне нужен как минимум четвёртый этаж. А это значит лишь одно. Каждый раз мне придётся преодолевать это уродство в виде грязных бетонных полов, трещин на стенах и сколов на ступенях, чтобы добраться до квартиры.

Нога утопает в сухом мусоре на первой лестничной площадке. Под подошвой хрустит песок и мелкие осколки штукатурки. Я брезгливо отряхиваю кроссовок о край ступени и продолжаю подниматься, стараясь ни к чему больше не прикасаться без необходимости.

Я мчусь по лестнице, чтобы не задерживаться среди разрухи, и стучу в одну из четырёх дверей на площадке. Кулак бьёт по облупленному металлу три раза. Звук разносится по пустому пролёту, отражаясь от голых стен. Жду.

За дверью слышатся неторопливые шаги, тихий лязг замка, после чего дверь медленно приоткрывается.

— Чем могу помочь? — Из квартиры выходит женщина средних лет в халате, покрытом жирными пятнами.

Не сказать, что она старая, но эти морщинки вокруг губ придают ей возраста. А уродливая огромная родинка прямо на лбу, из которой торчат два коротких волоска, делает её похожей на ведьму из детских сказок. В центре цвет почти чёрный, а по краям уходит в коричневый.

Взгляд сам собой цепляется за этот тёмный бугорок. Морщины вокруг губ углубляются, когда она открывает рот. Кожа на щеках собирается в мелкие складки. Привычка анализировать лица оказывается сильнее элементарной вежливости.

— Добрый день. — Приходится натянуть на лицо самую милую улыбку, на которую я только способен. — Я бы хотел купить вашу квартиру.

От такого прямого заявления глаза женщины округляются. Брови взлетают вверх, демонстрируя глубокие заломы на лбу. Она ещё крепче вцепляется в край двери, продолжая разглядывать меня с плохо скрываемым подозрением.

— Дело в том, что раньше эта квартира принадлежала моей покойной бабушке, — давлю на жалость выдуманной историей, которую придумал по пути сюда. — Моя мама провела тут своё детство. Бабушки не стало не так давно, и моя семья хочет приобрести эту квартиру, как воспоминание.

Маленькие серые глаза становятся щёлочками и осматривают меня сверху вниз. Женщина задерживает взгляд на шлеме в моей руке. Похоже, не верит ни единому слову.

— Моя семья живёт тут поколениями последние лет двести. Не знаю, кто вы, но уходите. Не надо мне внебрачных наследников, которых наплодил мой муж.

Она произносит это с такой уверенностью, словно подобные гости уже не раз появлялись на её пороге.

— Простите, наверное, ошибся квартирой, — я пытаюсь сгладить ситуацию, чтобы не вызывать лишних подозрений. — Может, её квартира была этажом выше... Не подскажите, раз уж вы живёте тут давно, может, помните женщину с маленькой дочерью?

Она задумчиво шурится. По лицу пробегает тень воспоминания.

— Была какая-то, — ворчит она. — Проститутка.

— Тогда это не та, о ком я говорю.

Почему-то это едкое замечание меня оскорбляет, хоть оно и не имеет никакого отношения к вымышленной бабке.

— Ну-ну, кто ж признает, что он отродок шлюхи.

— Ладно, извините за беспокойство. Но позвольте один совет, эта родинка, — я тычу пальцем ей в лоб, — вам бы к врачу сходить провериться.

Женщина одаривает меня злобным взглядом, юрко скрывается в своей квартире и хлопает дверью перед моим лицом.

Хочется добавить, что если она не последует моему совету, то вполне вероятно скоро сама помрёт от онкологии и я таки заберу её квартиру себе. Кончик языка на мгновение упирается в щёку изнутри. Но слова так и остаются невысказанными.

Из четырёх квартир на площадке окна только это и ещё одной напротив выходят на нужный мне дом. Но от одной мысли о соседстве с такой скверной старухой внутри поднимается отвращение. Моих нервов не хватит каждый день лицезреть её уродливое лицо, которому не поможет уже ни один пластический хирург.

Пальцы сами собой начинают нервно постукивать по бедру. Хочется выкинуть этот образ из головы как можно скорее.

Я мог бы предложить ей двойную плату за квартиру. Если её семья живёт тут давно, значит возможности переехать у них не было. А значит, она бы не стала отказываться от возможности заполучить жильё получше. Мысль кажется рациональной.

Но дверь захлопнута. И мысленно я поставил точку.

Поднявшись на этаж выше, я громко стучу в облезлое деревянное полотно. Если дверь выглядит так, страшно представить, что там внутри.

Но прямо у входа стоит детская коляска. Значит, с этими владельцами шанс выше. Кто откажется от лучших условий для своих отпрысков.

— Я же сказала, уходи! И забудь про нас! — раздаётся крик из квартиры.

Голос молодой. Уставший.

— Не знаю, к кому вы обращаетесь, но я явно не он, — говорю громко, чтобы девушка услышала.

Секундное молчание. За дверью что-то тихо шуршит, затем раздаются пара щелчков замка, и дверь открывается.

— Вас мой бывший отправил? — из проёма высовывается тёмная макушка.

Она не спешит открывать дверь шире, продолжая держаться за неё.

Совсем молоденькая. Это видно по щекам, которые ещё сохраняют юношескую припухлость, по коже без морщин и гладкой тыльной стороне ладони, которой девушка придерживает дверь, готовясь захлопнуть её в любой момент. Под глазами залегли лёгкие тени, словно последние ночи она почти не спала.

— Нет. Но у меня свои корыстные цели, — растягиваю губы в улыбке, чтобы придать несерьёзности своей фразе. — Я бы хотел выкупить вашу квартиру.

Девушка моргает несколько раз, явно пытаясь понять, не ослышалась ли.

— Вы... что? — теряется она.

Я вынужден снова повторить слезливую историю про бабушку, а в конце добавляю:

— Я так понимаю, вы бы и сами не против скрыться от бывшего?

На этом вопросе её лицо заметно меняется.

— Мечтаю об этом, — выплёвывает она. — Но поймите, мне некуда идти. На те деньги, которые я получу за эту развалюху, вряд ли смогу найти что-то более-менее приличное. Разве что комнату где-нибудь на окраине.

— Плачу двойную сумму, — уверенно заявляю я. — Но я бы хотел въехать сюда уже завтра.

Девушка растерянно хлопает глазами. Пальцы, которыми она держится за дверь, заметно напрягаются.

— Но я не успею так быстро собраться! У меня грудной ребёнок...

Из квартиры раздаётся тихое детское кряхтение. Она машинально оборачивается на звук, а затем снова смотрит на меня с проснувшейся в глазах надеждой. Почти готова, осталось додавить.

— Сниму вам номер в отеле. На две недели. Этого достаточно, чтобы вы нашли себе новую квартиру.

— Ничего не понимаю, — шепчет она, уставившись под ноги. — Вы объявляетесь на моём пороге среди бела дня, предлагаете двойную стоимость и оплату гостиницы...

Она качает головой, пытаясь найти в происходящем подвох.

— Моя мама болеет. И у нас остаётся всё меньше времени, чтобы подарить ей эмоции от воспоминаний, — выдаю я первое, что приходит в голову.

Жестоко, конечно, говорить такое про свою мать, но, зная эту женщину, она вряд ли бы обиделась. По крайней мере, пока я кромсаю её лицо, чтобы она сохраняла молодость ради любовников, младше её на десятки лет. Эта ложь выглядит куда безобиднее всего, что она добровольно позволяет мне делать со своей внешностью.

— У меня есть время подумать? — неуверенно интересуется девушка.

Она крепче прижимает дверь к себе, явно пытаясь собраться с мыслями.

— Есть. Пять минут.

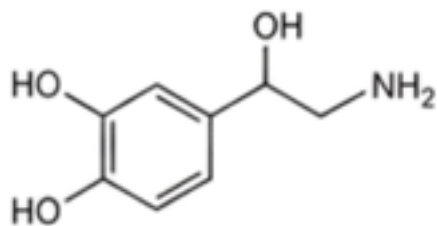
Я разворачиваюсь и молча спускаюсь на лестничную площадку ниже. Этого более чем достаточно. Если человек действительно хочет изменить свою жизнь, долго раздумывать не приходится.

Спустя десять минут я спускаюсь и выхожу на улицу, заключив желаемую сделку. Мне необходимо срочно добраться до душа. Кажется, вся грязь этого дома прилипла не только к одежде, но и к коже. Подушечки пальцев до сих пор помнят шероховатость пыльных перил, а в носу стоит запах плесени.

Но сначала набираю номер дизайнера, которая занималась моим домом. Я уже мысленно прохожусь по будущей квартире, представляя, что должно исчезнуть в первую очередь.

Уже завтра на месте полуразрушенной двухкомнатной квартиры начнёт появляться мой музей.

***Norepinephrine (Норадреналин)** — повышает концентрацию, настороженность и готовность реагировать на опасность.*

Norepinephrine

IV

— Зачем пришла, если не собираешься помогать?

Кейт лежит на диване уже полчаса, с той самой минуты, как переступила порог моей новой квартиры. За всё это время она лишь один раз перевернулась на другой бок и теперь лениво болтает ногой, разглядывая потолок так, словно там происходит что-то захватывающее.

— Потому что мама сказала, что наша принцесса попала в беду. Я ж не думала, что беда — это пара неразобранных коробок с твоими же вещами, — пожимает плечами сестра.

— От Мэгги и то толку было бы больше...

Я стараюсь произнести это как можно тише, просто чтобы выпустить недовольство, но Кейт улавливает каждое слово.

Она тут же поворачивает голову в мою сторону. На губах появляется знакомая ухмылка, которая никогда не предвещает ничего хорошего.

— Мэгги, значит? Ладно.

Сестра подскакивает с места и подходит к одной из коробок.

Я не успеваю и пикнуть, как Кейт хватается за картон и переворачивает всё содержимое на пол с громким шумом.

— Ты что творишь?!

— Помогаю, — отвечает она. — Полдела сделано. Вещи вытащены из коробки. Осталось разложить их на места. Но тут я не помощник. Не знаю, где ты собираешься это всё хранить.

Кейт засовывает пальцы ноги в бесформенную кучу и лениво ворошит её. Вещи с тихим шорохом разъезжаются по полу.

— А это что? — её взгляд цепляется за что-то, вынырнувшее из глубины хлама. Она наклоняется, чтобы рассмотреть находку получше. — Фу, Нора! — вскрикивает она и делает шаг назад, брезгливо сморщив нос.

— Что кричишь, как будто змею увидела? Странно бояться родственничков, когда сама та ещё ядовитая гадюка.

— Ну... в каком-то смысле это можно назвать змеей. Предпочитаешь размерчик побольше?

По спине пробегает холодок. Чувство паники накатывает так внезапно, что я машинально хватаюсь за подлокотник кресла, чтобы не рухнуть. Сердце с силой ударяет в грудную клетку, а в ушах становится слишком тихо. Кажется, сестра нашла то, чего видеть не должна была ни при каких обстоятельствах. Блин, ну почему я вчера сразу же не спрятала его?

Я резко перевожу взгляд на кучу вещей. Сейчас всё зависит лишь от того, что она успела разглядеть.

— Всё, теперь я точно помогать не буду. Мало ли что ещё ты прячешь, не хочу даже прикасаться к этому.

— Кейт... — вместо нормального голоса из меня выходит лишь хрип.

Сестра смотрит на меня с таким довольным выражением лица, что сразу становится понятно: теперь она будет наслаждаться каждой секундой моего позора.

— Что? Не рассказывать маме, что её малышка стала взрослой девочкой?

— Это не то, что ты подумала...

Не знаю, зачем пытаюсь придумать оправдание. Ведь сама не верю в собственные слова. От волнения они звучат ещё менее убедительно.

— Ой, думаешь, я не слышала твоих развлечений через тонкую перегородку?

Щёки пылают. Я поспешно отвожу взгляд, лишь бы не видеть её самодовольную улыбку. Блин, как же всё-таки хорошо, что у меня теперь есть своя квартира. В которой никто не станет свидетелем моего стыда. И где я могу запереться и больше никогда отсюда не выходить. Хотя бы пока Кейт не забудет об этом инциденте.

Но мало верится, что она забудет. Скорее будет припоминать при каждом удобном случае. И, что хуже всего, получать от этого искреннее удовольствие.

— Да ладно, — отмахивается сестра. — У меня тоже есть.

— Что? — не скрываю я удивления. — У тебя же есть парень.

— И? Иногда хочется поймать кайф и с самой собой. Но и с парнем вибратор может стать отличным помощником, когда...

— Хватит.

Я затыкаю уши, потому что если услышу ещё хоть слово, то потеряю сознание от смущения. Кейт только закатывает глаза и тихо усмехается, глядя на мою реакцию.

— Подожди, — сестра подозрительно шурится в мою сторону. — Ты думаешь, что игрушки нужны только тогда, когда парня нет?

Она замолкает, внимательно рассматривая моё лицо. По мере того, как до неё доходит ответ, её брови медленно ползут вверх.

— Нора! Ты хоть раз трахалась с живым телом?

Я чувствую, как лицо начинает гореть ещё сильнее.

— Тебя это не касается.

Судя по тому, как довольно улыбается Кейт, моё смущение оказывается красноречивее любого ответа.

Я отворачиваюсь и принимаюсь разбирать одну из коробок, в которой оказывается вся косметика. Теперь раскладывание вещей вдруг стало невероятно увлекательным занятием. Точно лучше, чем вести этот разговор с сестрой.

Пальцы перебирают тюбики, плоские коробочки с тенями. Стекланный флакон духов скользит в ладони. Я задерживаю его на мгновение, рассматриваю жидкость внутри, потом аккуратно ставлю на полку.

Сестра стоит у меня за спиной. Её взгляд на затылке ощущается, как непрошеное прикосновение, но я не оборачиваюсь. Даже не сомневаюсь, что сейчас она сверлит меня своей ухмылкой, ожидая, когда я не выдержу.

Если не смотреть на Кейт, есть шанс, что этот разговор закончится сам собой. Хотя, зная мою сестру, надежда на это почти смешна.

— Ну и ну. Малышку Нору лишил девственности резиновый член.

— Это не так.

— Ах да, поправочка. Резиновый, *вибрирующий* член. Согласна, есть разница.

Я со стуком закрываю ящик тумбы под телевизором, стараясь занять руки хоть чем то, лишь бы не смотреть на неё.

— Тебе пора, — отрезаю я.

— Я, пожалуй, останусь. И даже помогу. Мало ли какие ещё твои секретики всплывут из глубин.

— Уходи! — требую я. — Это моя квартира. И я тебя из неё выгоняю.

Кейт хмыкает, скрещивает руки на груди и демонстративно закатывает глаза.

— Если я свалю, то потом выслушаю нотации от мамы, что бросила её любимицу. Лучше уж от тебя слушать всякие глупости.

— Я скажу, что ты помогла. А если останешься, выдам с потрохами.

Кейт на секунду задумывается, потом коротко усмехается.

— Оу, ты ещё и врушка, — веселье сестры явно не предвещает ничего хорошего. — Ещё не доросла до крупного шантажа. У меня, заметь, есть компромат поважнее, — она вновь кивает на игрушку в куче. — Ладно, вижу, что тебя ещё больше не выбесить. Не интересно. Пока.

Кейт машет рукой в воздухе, подхватывает со спинки стула свою сумку и направляется к выходу.

— Мэгги тоже не рассказывай, — прошу я напоследок.

— Не собиралась. Ей до тебя нет никакого дела. Так что вряд ли она как-то отреагирует на эту новость, а это не весело.

— Почему ты такая заноза в моей заднице? — не сдерживаюсь я.

— Заноза?

Кейт открывает входную дверь, высовывает голову в подъезд и начинает говорить очень громко, желая, чтобы услышали все в округе:

— Я думала, что в своей заднице Нора предпочитает огромный, резиновый...

— Заткнись.

В несколько широких шагов я оказываюсь возле сестры и затыкаю ей рот рукой. Пальцы липнут к её прозрачному блеску для губ. Она тут же начинает смеяться, отчего моя ладонь становится влажной. Плечи Кейт подрагивают, а из-под моей руки всё равно прорываются приглушённые смешки.

Дёрнув меня за прядь волос, сестра выходит из квартиры. Напоследок она показывает мне язык и, продолжая тихо хихикать, скрывается на лестничной площадке. Лишь когда её шаги окончательно затихают, я устало прислоняюсь лбом к двери и с облегчением закрываю глаза.

Я дважды прокручиваю ключ в замке и на всякий случай дёргаю ручку, чтобы убедиться, что дверь заперта и Кейт не сможет вернуться. Только после этого позволяю себе расслабить плечи.

Спина прислоняется к двери, и я медленно сползаю вдоль неё. Сажусь на небольшой коврик у входа, поджав колени к груди, и прячу в них лицо. Вдох. Выдох. Пальцы сцепляются в замок на затылке, локти упираются в колени.

Сердце постепенно успокаивается, но щёки всё ещё горят от стыда. Перед глазами снова всплывает самодовольная физиономия Кейт, и я обречённо стону себе в колени.

Если я когда-нибудь решу стать матерью, то остановлюсь на одном ребёнке. Чтобы у него не было противных братьев или сестёр, отравляющих жизнь.

Я, вроде, люблю сестёр. Но не потому, что нас связывают общие тёплые воспоминания из детства, а просто потому, что они моя кровь. Родители всегда твердили, что мы должны быть друг другу опорой. Нафиг такую надоедливую опору.

Ладони сжимаются в кулаки на коленях.

От этих мыслей стыд незаметно перерастает в раздражение. Оно медленно растекается внутри, вытесняя всё остальное. Я резко поднимаюсь и мчусь на кухню. Открываю верхний шкафчик над раковиной и достаю ту самую кружку, которую подарила мне Кейт. Пальцы смыкаются на ручке так крепко, что костяшки белеют.

«Королева драмы».

Эта надпись словно насмехается надо мной голосом сестры. Перед глазами снова возникает её довольная ухмылка.

Рука замахивается, и кружка летит в стену. Керамика рассыпается на мелкие осколки и покрывает ими половину пола. Звон ещё несколько секунд стоит в ушах. Один осколок, тихо позвякивая, откатывается под холодильник.

Я смотрю на разбитую кружку, и внутри разливается странная пустота. Раздражение исчезает так же быстро, как вспыхнуло.

Надо будет вызвать службу уборки. А ещё какую-нибудь компанию, которая сможет разложить мои вещи. Желание просить о помощи близких напрочь отбито.

Пальцы касаются шеи, нащупывают выступившую испарину. Я медленно провожу ладонью по коже, пытаюсь успокоиться. Сердце уже бьётся ровнее, но внутри всё ещё неприятно саднит после разговора с Кейт.

На телефон приходит уведомление о том, что пора сменить бельё. Экран вспыхивает, вырывая меня из мыслей. По ощущениям, месячные ещё не начались. Но рисковать не хочется, поэтому я отключаю звук и собираюсь отправиться в ванную.

После первого же шага стопу пронзает такая адская боль, что я зажмуриваюсь. Машинально нащупываю столешницу и хватаюсь за неё, чтобы не завалиться. Тело тянет вниз, но я держусь, перенося вес на здоровую ногу.

Страх молниеносно заполняет всё внутри. Если опущу глаза, то точно увижу кровь. Уже от одной мысли перед глазами всё плывёт. Вдохнуть полной грудью не получается. Тело накрывает неконтролируемая дрожь.

Нет. Только не кровь. Только не смотреть вниз.

Я на ощупь добираюсь до раковины и включаю кран. Крепко зажмуриваюсь и запрокидываю ушибленную ногу под струю. Вода ледяная. Рану щиплет до такой степени, что к глазам подступают слёзы. Ступня пульсирует чаще, чем собственное сердце.

Я продолжаю стоять, не открывая глаз. Не могу. Стоит лишь представить тонкую красную струйку, как внутри всё скручивается ещё сильнее. Я цепляюсь за край столешницы так отчаянно, словно только она не даёт мне рухнуть на пол. В голове остаётся одна единственная мысль: пожалуйста, пусть крови будет совсем немного.

Пожалуйста. Только не открывать глаза. Только не смотреть.

Не знаю, сколько так стою. Но достаточно долго, чтобы быть уверенной, что кровотечение остановилось. Или хотя бы убедить себя в этом. Пальцы на столешнице медленно разжимаются. Ладони ноют от того, как сильно я в неё вцепилась. Веки тяжелеют. Я открываю глаза, но смотрю в потолок, не вниз. Заставляю себя глубоко дышать, цепляясь взглядом за белую поверхность над головой.

Продолжая стоять на одной ноге, вторая зависает в воздухе. Пальцы ноги поджимаются, икра начинает ныть от напряжения. Медлить больше нельзя. Если хочу выбраться отсюда, придётся посмотреть.

Я опускаю глаза на пол, чтобы определить маршрут, как мне безопасно допрыгать до соседней комнаты. Но взгляд цепляется за коричневое засохшее пятно на светлой плитке.

Воздух резко заканчивается. Грудную клетку стягивает так сильно, что следующий вдох перекрывает дыхательные пути. Сердцебиение замедляется настолько, что я уже сама не могу определить, есть ли оно вообще.

Не могу отвести взгляд. Не могу моргнуть.

Пальцы снова впиваются в край столешницы. Я чувствую, как предательски подкашивается здоровая нога.

Нет. Только не сейчас.

Но пятно уже отпечталось перед глазами.

Кровь. Моя.

Внутренности сворачивает так, что к горлу подступает горький ком, который не удаётся сдержать. Во рту появляется кислый привкус, слюна стремительно заполняет рот. Я склоняюсь над раковиной, и из меня выходит весь завтрак: свежий салат, миндальный круассан и ягодный чай. Желудок продолжает болезненно сжиматься, хотя внутри уже почти ничего не осталось. Плечи вздрагивают от каждого спазма, спина покрывается липким потом.

Едкий кислотный привкус заполняет рот и перекрывает дыхание. Я судорожно хватаю воздух короткими рваными вдохами, но кажется, что его всё равно не хватает. Слезы прорываются наружу и оставляют на щеках мокрые дорожки. Влажные от пота пряди липнут ко лбу. Пальцы на столешнице немеют, но я продолжаю держаться за неё так крепко, что начинает ломить запястья.

Нарастающий ужас не проходит после рвоты. Он продолжает разрастаться, вытесняя любые другие ощущения. Перед глазами темнеет. По краям зрения всё начинает медленно расплываться.

Кажется, ещё мгновение, и я рухну на пол без сознания.

Единственное, что помогает мне удерживать себя, — осколки на полу.

Я не могу упасть. Не могу.

Если приземлюсь на них, то крови станет больше. Эта мысль цепляется за сознание и не даёт ему окончательно отключиться. Я заставляю себя стоять, хотя ноги дрожат всё сильнее.

Смыв всё в раковине, я тянусь рукой к широкому острову. По другую его сторону пол чист, значит, оттуда я смогу добраться до соседней комнаты без происшествий.

Рука долго ищет опору, пока наконец не нащупывает край столешницы. Пальцы скользят по гладкому мрамору. Я крепче цепляюсь за него, несколько раз глубоко вдыхаю, собирая остатки сил.

Почти на ощупь притягиваю своё тело к острову, ложусь на него животом и подтягиваюсь дрожащими от бессилия руками. Мраморная поверхность пронизывает до костей. Потная кожа неприятно липнет к ней. Но я ползу. Из последних сил.

Каждый сантиметр даётся с таким трудом, что руки начинают мелко дрожать. Я почти не чувствую стопу. Всё внимание приковано лишь к тому, чтобы случайно не соскользнуть обратно.

В голове нет ни одной связной мысли. Только короткие команды.

Ещё немного. Не упасть. Не смотреть вниз.

Перед глазами всё ещё плывёт, а руки становятся тяжёлыми, как свинец. Но страх не даёт остановиться ни на секунду. Он толкает вперёд сильнее любого инстинкта. Сейчас для меня существует только одно — оказаться как можно дальше от того места, на котором засохло пятно крови.

Оказавшись у другого края острова, я осторожно опускаю одну ногу на пол. Пятка касается плитки. Ступня стоит ровно, стопа чувствует холод кафеля. Моргаю несколько раз, пытаюсь вернуть зрение. Перед глазами продолжают плавать тёмные пятна, но постепенно очертания кухни становятся чётче.

Осматриваю пол вокруг. Осколков нет.

Помогая себе руками, я стаскиваю со столешницы тело. Несколько секунд просто стою, не решаясь сделать вдох. Сердце всё ещё не может успокоиться.

Единственное желание — свалиться прямо на плитку. Дать телу прийти в себя, дыханию восстановиться, а конечностям перестать дрожать.

Но в паре метров от меня пятно. То самое, от мысли о котором зрение снова плывет. Если я срочно не уйду подальше от этого места, меня опять вывернет.

Собрав последние остатки сил, которые непонятно как во мне сохранились, я допрыгиваю на одной ноге до гостиной, истекая потом.

Тело валится на мягкий диван. Раненую ногу я продолжаю держать на весу, чтобы не оставить красный след на светлой обивке. Голова падает на подушку, глаза закрываются. Постепенно шум в ушах начинает стихать, но тревога не уходит.

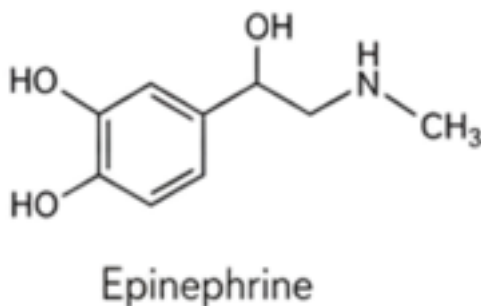
Ненавижу свой страх.

Веки дрожат, но я держу их сомкнутыми, чтобы случайно не бросить взгляд вниз. Все чувства притупляются, и остаётся только горячая пульсация в ступне.

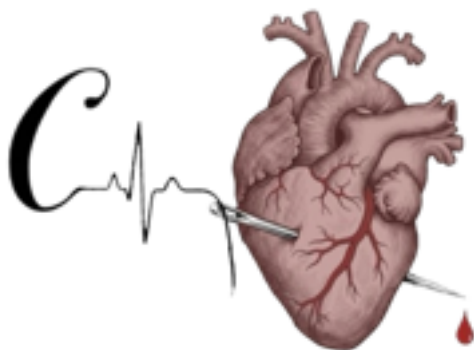
Где-то внутри раздается тихий голосок, который твердит, что всё уже закончилось. Но я отказываюсь ему верить.

Ненавижу Кейт, это все из-за неё.

Epinephrine (Адреналин) — запускает мгновенную реакцию «бей или беги», усиливает страх и возбуждение.

V

Сегодня Нора выглядела бледнее обычного во время прямого эфира... Она улыбалась, отвечала на комментарии, но улыбка не задерживалась на лице надолго.

С щёк пропал свежий натуральный румянец, веки были припухшими. Глаза казались уставшими, а под ними залегли едва заметные тени.

Мне это не нравится. В таком виде она не идеальна. Что бы ни произошло, это должно быть исправлено.

Удовольствия от просмотра эфира я не получил, зато удалось узнать её имя, когда один из подписчиков обратился к ней в комментариях. Я перечитал его несколько раз, мысленно повторяя каждую букву, чтобы больше никогда не забыть.

Нора.

В моих представлениях её звали как-то иначе. Но, как бы то ни было, теперь оно такое. И это не то, что нельзя исправить, если в будущем потребуются корректировки.

— Мистер Восс, мы закончили.

Голос разносится эхом по будущей спальне. Я оборачиваюсь на парня, которого нанял вместе с командой, чтобы те быстро очистили мою новую квартиру от старого хлама.

Он стоит в дверном проёме, переминаясь с ноги на ногу, и смотрит на меня в ожидании дальнейших указаний. В углу валяются несколько мешков со строительным мусором, готовых к выносу. Стены всё ещё заляпаны пятнами, а между деревянных половиц виднеются широкие щели. Но пустое помещение без старой мебели уже напоминает чистый холст.

Рука скользит по подоконнику. На подушечках пальцев остаётся тонкий слой серой пыли, который я машинально вытираю о джинсы.

— А это? — указываю я на потёртый паркет.

— Завтра. Уже поздно, ребята устали за целый день. Пора и отдохнуть.

Пальцы хрустят, когда я с силой сжимаю их в кулак. Ещё несколько купюр быстро заставили бы их передумать. Но в таком деле, как и на моей работе, иногда действительно требуется отдых. Чтобы рука не дрогнула и не испортила материал.

Я медленно разжимаю кулак на глубоком выдохе и смотрю на ладонь, где отпечатались следы ногтей. Нужно срочно найти вторую бригаду для ночной смены.

— Ладно. Завтра жду к восьми.

Рабочие торопливо покидают квартиру. Входная дверь захлопывается, и помещение снова погружается в тишину.

Я остаюсь стоять у окна в тёмной комнате. За стеклом сгущаются сумерки, а в отражении проступает мой силуэт.

Отсюда открывается великолепный вид. Прямо на окна Норы. Как же хорошо, что я купил квартиру именно на пятом этаже. Может, это судьба в лице той противной женщины этажом ниже сама подтолкнула меня к правильному выбору?

В доме Норы потолки выше. Купи я квартиру на четвёртом этаже, пришлось бы смотреть на неё снизу вверх. А теперь всё идеально. Мой взгляд попадает ровно в нужные окна.

Свет на её кухне не зажигался ни разу с тех пор, как стемнело. Я продолжаю смотреть, ожидая, что лампа вот-вот вспыхнет, но окна остаются тёмными. Она не ест? Соблюдает диету, чтобы сохранить форму? Глупости. Важнее не то, сколько ты ешь, а качество потребляемой пищи. Но ничего. Я поделюсь с ней этим, когда познакомлюсь.

Хотя её сегодняшний уставший вид поселил во мне сомнения. Погоня за совершенством настолько затуманила разум, что я и забыл: она такой же человек. На её лице тоже остаются следы недосыпа. Фигура меняется в зависимости от цикла.

Но это всё поправимо.

Невозможно исправить уже испорченный холст. А вот огрехи на безупречно чистом деле нехитрое. Главное знать, как управлять кистью.

Я снова поднимаю взгляд на её окна. За стеклом мелькает тень. Всего на мгновение, но этого достаточно, чтобы уголки моих губ едва заметно приподнялись.

Штора в окне напротив отодвигается, и из комнаты выглядывает *она*. Держит телефон у уха и смотрит куда-то вниз. Проследив за её взглядом, я замечаю грузовую машину, припаркованную у ворот.

Слишком далеко, чтобы я мог прочитать по губам её речь. Но судя по нахмуренным бровям и тому, как её кулак с глухим стуком ударяет по стеклу, разговор не из приятных. Лишние нервы плохо сказываются на здоровье. А затем и на внешнем виде.

Нора убирает телефон в задний карман шорт, но шторм не задвигает. Вижу, как она хромает, пока идёт к выходу из комнаты, на полу которой разбросаны коробки и вещи. Она пошатывается и в какой-то момент опирается ладонью о дверной косяк, чтобы удержать равновесие.

Я провожу взглядом по её ноге, внимательно наблюдая за каждым движением, за тем, как она переносит вес на здоровую конечность. Ступня явно подвёрнута или ранена.

Взгляд снова возвращается к коробкам на полу. Хаос. Беспорядок.

Ещё один изъян.

Пора бы мне столкнуться с ней лицом к лицу и выяснить наконец, не додумал ли я её образ в своей голове.

Я выбегаю вниз, на этот раз не обращая внимания на облупленные стены подъезда. Перебегаю через две ступеньки, быстро толкаю тяжёлую дверь и выхожу на улицу.

Нора уже стоит у грузовой машины и подписывает бумаги. Я остаюсь в тени, наблюдая. Мужчина вытаскивает из кузова несколько завернутых в прозрачную плёнку стульев, выставляет их в ряд прямо на тротуаре и, коротко кивнув, садится за руль. Густой выхлоп вырывается из трубы и прячет Нору в серой дымке.

Она тянет один стул прямо по асфальту, и даже с такого расстояния до меня доносится противный скрип. Делает всего несколько шагов, после чего сдаётся. Медленно опускается на один из стульев и задумчиво смотрит куда-то в сторону. Голова чуть наклонена, плечи опущены. Локоть упирается в колено, ладонь поддерживает подбородок.

Машина уезжает, рокот двигателя постепенно стихает, а дымка растворяется в вечернем воздухе. Нора так и остаётся сидеть неподвижно, не делая попыток подняться.

Ветер треплет её светлые волосы, которые разлетаются в разные стороны и липнут к лицу. Пряди закрывают глаза. Она раздражённо смахивает их пальцами, но через секунду ветер снова возвращает их обратно. Кожа стройных икр отликает фарфором в свете уличного фонаря. Талия тонкая, плечи почти одной ширины с бёдрами. Идеальные пропорции.

Что ж, со стороны всё именно так, как я и представлял. Осталось познакомиться лично.

Перебежав через дорогу, я останавливаюсь в паре метров от Норы. С каждым шагом подмечаю всё больше деталей: слегка вздёрнутый кончик носа, изящные пальцы рук, небольшая грудь, которая плавно поднимается при каждом вдохе. На открытых участках кожи нет ни единого заметного изъяна.

Ветер доносит до меня сладковатый аромат. Что-то цветочное с лёгкими пряными нотами. Я вдыхаю глубже, позволяя запаху заполнить лёгкие и осесть в памяти.

Она не замечает меня, продолжая смотреть куда-то в темноту улицы. Пальцы левой руки лежат на бедре и постукивают по ткани шорт. Я делаю широкий шаг, и моя тень ложится на асфальт рядом с её ступнями.

— Добрый вечер, нужна помощь? — обращаюсь я к ней.

Нора вздрагивает всем телом.

Её широко распахнутые карие глаза смотрят прямо на меня. Губы слегка размыкаются, и за ними виднеются белоснежные зубы. Судя по форме — свои, родные.

Она молчит. На предплечьях выступают мурашки. От холода? На улице не прохладно, ветер тёплый. От страха?..

— Мисс? — снова обращаюсь я. — Вам помочь?

Болтливая в эфирах, сейчас Нора не произносит ни слова. Она будто оценивает меня, решая, можно ли довериться незнакомцу.

— Если можете, была бы благодарна, — на удивление быстро соглашается она.

Этот голос... Бархатный, окутывающий каждым звуком. Убрать из интонации нотку неуверенности, и будет именно то, что надо. То, что я хотел бы слышать шёпотом у своего уха.

Я подхватываю сразу три стула, чем вызываю на её лице неподдельное удивление.

— Возьму сразу четвёртый. Когда вы встанете с него.

— Ой...

Она поспешно подскакивает и тут же цепляется рукой за забор. Одну ногу сгибает в колене, удерживая её на весу. На лице на мгновение проступает болезненная гримаса.

— Вы не можете идти?

— Поранилась, — голос звучит измученно.

Поэтому она плакала и вышла в эфир с отёкшими веками? Судя по её виду, там рана, которую требуется зашивать.

— Могу помочь вам дойти до квартиры, а потом спуститься за стульями.

Она опускает взгляд, крепче сжимает пальцами край забора, явно колеблясь. С её губ слетает что-то невнятное, словно она прожевала каждый звук.

Это томление начинает выводить из себя. Я подхватываю четвёртый стул и прохожу через калитку, затем через открытую дверь подъезда и оставляю стулья у лестницы.

Развернувшись, возвращаюсь за Норой, которая пытается на одной ноге догнать меня. Она неуклюже прыгает, вытянув руки в стороны, чтобы удержать равновесие.

В два быстрых шага я оказываюсь рядом с Норой и подхватываю её на руки, отчего из неё вырывается вскрик. Тонкие руки машинально обхватывают мою шею, а сбившееся дыхание касается кожи.

Я прижимаю Нору крепче, чтобы ей было удобнее. Тепло её тела пробирается даже через ткань одежды. Она напряжена, но не пытается вырваться.

Если бы я не держал Нору на руках, то, зайдя в лифт, точно бы на автомате нажал на кнопку четвёртого этажа. И сдал бы себя, по привычке пытаясь решить проблему самому, а не ждать других.

Палец Норы тянется к панели и касается кнопки, которая загорается голубым светом. Двери плавно закрываются, отрезая нас от внешнего мира. Остаёмся только мы. Кабина едва слышно гудит, начиная подъём.

Нора молчит. Я чувствую кожей шеи, как её дыхание постепенно выравнивается. Она старается не смотреть на меня прямо, но я вижу: она разглядывает моё отражение. Лишь иногда быстро отводит взгляд, после чего снова незаметно возвращается ко мне.

Двери лифта распахиваются, и тут уже мне не приходится осторожничать. Дверь в её квартиру открыта настежь, и это даёт убедиться, что именно здесь она и живёт.

Стоит переступить порог, как пальцы начинает покалывать от зуда. Боже, что за хаос? Я бегло оглядываю пространство: разбросанные вещи, открытые коробки, бумаги на полу, одежда, небрежно брошенная поверх каких то пакетов. Взгляд цепляется за одну деталь, потом за другую.

Мне нужна минута, чтобы примириться с этой её стороной.

И я нахожу эту краткую передышку. Осторожно ставлю Нору на пол, чувствуя, как её пальцы неохотно отпускают мою шею. Убедившись, что она держится за стену, молча выхожу из квартиры и спускаюсь за стульями.

Двери лифта закрываются. Я прислоняюсь спиной к прохладной стене кабины. Медленно вдыхаю. Мне нужно хотя бы несколько секунд, чтобы подготовиться к тому виду, который снова откроется за дверью её квартиры.

Когда я возвращаюсь, Нора уже сидит на диване, единственной мягкой мебели, освобождённой от плёнки.

— Куда их? — спрашиваю я, чуть приподнимая стулья выше.

— Оставьте тут.

— Я отнесу их на кухню.

— Нет, — странно спохватывается она и почти поднимается с места. Лицо на мгновение становится встревоженным. — Я... Я там кружку разбила. Ещё не убрала. Вдруг поранитесь.

— Так это оттуда ваша травма? — киваю я на её ступню.

Нора прикусывает нижнюю губу и смущённо отводит взгляд. Пальцы машинально приглаживают край шорт, потом снова замирают на ткани.

— Я хирург. Могу осмотреть рану и дать рекомендации.

— Правда? Буду благодарна. А то я даже не... — она осекается и цепляется пальцами за край кофты. Взгляд бежит по комнате, словно она пытается подобрать нужные слова, но ни одно не кажется подходящим.

На языке крутится скверное слово от того, как мне уже надоела эта неопределённость.

Я отношу стулья, стараясь не обращать внимания на бардак, затем возвращаюсь. Присаживаюсь перед Норой на корточки и осторожно обхватываю её ступню.

Серьёзно? Это из-за этого крошечного пореза она выглядит так, словно получила пулевое ранение?

Я внимательно осматриваю рану, слегка меняя угол её стопы. Края ровные. Кровь уже остановилась.

— Ничего опасного. Обработайте спиртом перед сном. Бинтом не обматывайте, пусть рана подсохнет. Завтра, если порез ещё не затянется, старайтесьшний раз не ступать на эту ногу.

— А если не обрабатывать спиртом? — тихо пищит она, пряча взгляд.

От этого вопроса меня словно прошибает током.

— Может попасть инфекция, — уже тише говорю я, внимательно прислушиваясь к каждому её вдоху и пытаюсь понять, в чём подвох. — Вы же обработали рану сразу после того, как порезались?

Нора бледнеет прямо на глазах. Нижняя губа начинает мелко дрожать.

— У меня нет спирта.

— Купите. Закажите доставку, — сдерживать раздражение с каждой секундой становится всё труднее.

— Хорошо.

Хорошо? Хорошо, потому что поняла? Или хорошо, потому что я дал разрешение?

Всё бы ничего, но бардак вокруг создаёт визуальный шум и с каждой секундой сбивает с толку всё сильнее. Мысли начинают расползаться вслед за этим беспорядком.

— А вы где-то рядом живёте? — вдруг спрашивает она.

— Купил квартиру в доме напротив. Сейчас там идёт ремонт.

Её взгляд скользит к окну, задерживается на несколько секунд, а затем возвращается ко мне.

— В том старом доме? — её нос морщится, образуя между бровей две неглубокие, но уродливые складки.

Избалованность или стремление к безупречному? Если второе, то она идеальный пациент. А если первое... ещё один изъян.

— Мне пора, — бросаю я, больше не в силах здесь находиться.

— Спасибо... А как вас зовут? — Нора смотрит на меня своими симметричными глазами.

Перед тем как ответить, я быстро осматриваю её лицо. Веду взглядом от линии лба к подбородку, отмечая каждую деталь. Нет. Я не видел ничего более идеального. Чёрт.

— Стеллан.

— А я Нора.

Услышать это имя из её уст ощущается совсем иначе, чем прочитать его в бездушном комментарии.

— До свидания, Нора, — наконец я могу произнести её имя вслух и попробовать его на вкус.

В свою квартиру я не возвращаюсь. Если вернусь, буду полночи сидеть у окна, выискивая новые мелкие детали. Поэтому выхожу на улицу, не оглядываясь на её окна.

Мотоцикл несётся не по прямому маршруту, а виляет по мелким улочкам, пока не выезжает на широкую пустую трассу. Здесь можно дать себе волю и позволить встречному ветру смахнуть лишние мысли.

Я сильнее наклоняюсь вперёд, крепче сжимая руль и ощущая под ладонями ровную вибрацию. Свет фары выхватывает из темноты белую разметку, и она бесконечной линией убегает под колёса.

Чёртова Нора. Такая идеальная снаружи, и столько изъянов внутри... Я выкручиваю ручку газа сильнее, позволяя скорости хотя бы ненадолго заглушить мысли о ней.

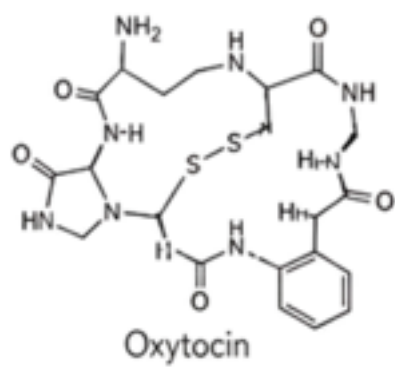
Мотоцикл отвечает низким рыком. Впереди — поворот. Я наклоняю корпус, плавно вписываюсь в дугу. Колено почти касается асфальта. Я выпрямляюсь и вновь набираю скорость.

Не ошибся ли я?

Но я ведь Восс. Тот, кто избавляется от изъянов. Правда, от внешних. С внутренними я ещё не работал. Но внешние изменения почти всегда оставляют шрамы. А от внутренних не остаётся и следа. Никто даже не заподозрит, что были внесены корректировки.

Идеальная работа. Лучшее дело в моём портфолио.

Oxytocin (Окситоцин) — формирует доверие, привязанность, любовь и социальную близость.

VI

— Мам, можешь попросить водителя купить спирт и привезти мне?

— Боже, что случилось? Нора, мне приехать? Вызвать врача?

— Ма-а-ам... просто порез. — Я почти добавляю, что в случившемся виновата Кейт, но вовремя прикусываю язык. Пожалуйся я на сестру, она сразу выдаст маме компромат на меня.

— Я сейчас же приеду сама, — твёрдо заявляет мама.

Когда дело касается меня, особенно моего страха, чета Локвуд готова разнести весь город. И мне не остаётся ничего, кроме как согласиться.

Я нажимаю на красную кнопку, сбрасываю вызов и откидываю голову на спинку дивана. Тишина в квартире давит на уши. Я прикрываю глаза, пытаюсь не думать о жжении в ступне, которое снова начинает напоминать о себе.

Мама оказывается на пороге уже через полчаса. В одной руке пакет с лекарствами, в другой с фруктами. Целлофан тихо шуршит, пока она проходит в гостиную. Её взгляд уже скользит по мне с головы до ног, внимательно выискивая, насколько всё плохо. От неё пахнет духами, которым она никогда не изменяет. Этот аромат мгновенно окутывает меня чем-то родным и привычным.

— Я же просила только спирт, — цокаю я на неё.

— Остальное на всякий случай. Там бинты, витамины...

— А ты сможешь обработать мне рану? — перебиваю её. — Не хочу сама смотреть, а на ощупь не получится.

— Конечно, милая.

Даже не разуваясь, мама быстро подходит ко мне и осторожно обхватывает стопу. Кожа её пальцев прохладная после улицы. Она касается голени, потом бережно поворачивает ногу, стараясь не причинить лишней боли. По поджатым губам вижу, как она изо всех сил сдерживается, чтобы не начать причитать о том, как ей меня жалко. На мгновение мамино дыхание замирает.

— А чем пахнет? — принюхивается она. Кажется, в её ноздрях работает собственный детектор.

Хотелось бы списать всё на лекарства, но мама ещё не успела открыть бутылёк со спиртом. Она вопросительно смотрит на меня, не отпуская ногу. В её глазах читается немой вопрос. А я молчу.

Этот запах... Воздух до сих пор пропитан ароматом загадочного мужчины. И правда загадочного. Появился из ниоткуда, помог, донёс до квартиры, осмотрел ногу и так же внезапно исчез.

Всю дорогу, что он нёс меня на руках, я не могла перестать вдыхать запах его одеколона. Что-то терпкое, с едва уловимыми нотками чего-то стерильного.

Боже, а его фигура? Через обтягивающую майку невозможно было не заметить эти восемь кубиков пресса. Тёмные глаза миндалевидной формы, острые скулы, прямой заострённый нос... Даже сейчас перед глазами всплывает его лицо. Кейт с Мэгги обзавидовались бы.

Я машинально касаюсь пальцами плеча там, где меня держали его руки. Кожа до сих пор помнит тепло его ладоней. Медленно провожу рукой по предплечью, и сама не понимаю, зачем это делаю.

Только один факт всё ещё вводит в смятение. Он хирург. Каждый день к его рукам липнет кровь, от одной мысли о которой меня выворачивает.

Стоило проветрить квартиру до маминого прихода, но не хотелось выпускать из неё его запах. Да и ковылять на одной ноге до окна было слишком лень. Теперь этот аромат смешался с мамиными духами, но я всё равно безошибочно различаю его.

Так, Нора, выбрось образ Стеллана из головы, пока мама не увидела, как ты растекаешься по дивану, как лужица.

— Диффузор купила, — вру я. — Неудачный аромат оказался, я его выбросила.

К счастью, мама верит. Зато почти сразу с упрёком оглядывает квартиру. Её взгляд скользит по коробкам и вещам, разбросанным по полу.

— Почему Кейт не помогла тебе разобрать всё? Я же сказала ей.

— Это я настояла.

— Ты же сама позвонила и попросила помочь, — не отступает мама.

Мозг судорожно пытается придумать объяснение, грозясь вот вот взорваться. Я отвожу взгляд, цепляюсь пальцами за край дивана. Приходится сказать правду. Только немного изменить её.

— Мы опять сцепились из-за мелочи, и я её выгнала, — виновато произношу я, хотя никакой вины не чувствую. — Я вспылила. Завтра позвоню и извинюсь. Не ругай её.

Мама внимательно смотрит на меня ещё несколько секунд, словно пытается понять, не скрываю ли я что-то ещё. Я выдерживаю её взгляд, стараясь выглядеть как можно спокойнее.

Мама выдыхает, и её плечи наконец опускаются. Она открывает бутылочку со спиртом, смачивает бинт и осторожно прикладывает его к ране. Из меня тут же вырывается болезненное шипение.

Она начинает дуть на ступню, так же как всегда делала в детстве. И этот простой жест успокаивает. Возвращает меня туда, где я имела право вести себя как ребёнок, не опасаясь чужого раздражения или осуждения. Её прохладное дыхание касается кожи, и жжение понемногу отступает.

Затем она велит мне отправляться спать, а сама принимается разбирать коробки. Слава богу, на этот раз я додумалась сразу же спрятать вибратор поглубже в шкаф с бельём.

Я встаю, опираясь ладонью о стену, и медленно иду к спальне. Уже у двери оборачиваюсь. Мама стоит возле самой большой коробки, аккуратно срезает скотч и откидывает верхние клапаны. Я задерживаю взгляд на её спине, потом захожу в комнату и тихо прикрываю дверь.

Сон не идёт из-за шороха в соседней комнате. Я лежу на спине, смотрю в потолок и невольно прислушиваюсь к каждому звуку. Что-то тихо стучается друг о друга, пока мама перекладывает вещи с места на место.

Мне больше нечего прятать, но само ощущение чужого присутствия в моём личном пространстве не даёт расслабиться. Я переворачиваюсь на бок, подтягиваю колени к груди и крепче прижимаю к себе подушку. За закрытой дверью всё ещё слышится размеренное шуршание, и от него сон ускользает ещё дальше.

Мысли вновь возвращаются к Стеллану. Я представляю, как классно мы смотрелись бы на совместных фото. Как не стыдно было бы показать его своим подписчикам. У всех бы слюнки потекли.

Кейт точно не выпустила бы его из квартиры, не добившись внимания. А я... Мне не привыкать теряться перед парнями, но при виде Стеллана весь словарный запас напроочь выветрился из головы.

Я крепче сжимаю подушку и представляю сестру рядом с ним. Она бы сразу вцепилась в его руку, заглядывала в глаза, что-то без умолку рассказывала и улыбалась. А я просто молчала. Только вдыхала его запах и боялась сказать лишнее слово.

Мэгги любит повторять известную всем фразу: у тебя никогда не будет второго шанса произвести первое впечатление. Её голос звучит в ушах, как наяву. Я переворачиваюсь на другой бок и долго смотрю в темноту, где едва угадываются очертания комнаты.

Своё первое впечатление я, кажется, уже испортила.

Он был таким рассерженным, когда рассматривал мою ногу. И чем больше звуков я из себя выдавливала, тем сильнее менялось его лицо. Я до сих пор помню сдвинутые брови, челюсть, сжатую так, что на скулах проступили желваки. Пальцы, касавшиеся моей лодыжки, были твёрдыми и напряжёнными, хотя двигался он очень осторожно.

Я утыкаюсь лицом в подушку и жалобно мычу, надеясь, что мама не услышит этот жалкий вой отчаяния.

Вот бы найти его в социальных сетях. Пообщаться через сообщения. Там у меня хотя бы будет возможность обдумать каждую фразу перед ответом. Его лицо снова возникает перед глазами, и я пытаюсь представить, как выглядит страница его профиля.

Между бёдер растекается знакомое тёплое ощущение.

Отлично. Снова самые отвратительные пять дней в месяц. Этого только не хватало в и без того трудный день.

Мне определённо надо задуматься о том, чтобы попросить маму нанять уборщицу. Проспать утром в чистой квартире — просто блаженство. Мама постаралась.

Вещи аккуратно разложены в шкафчиках и на полках, плед ровно сложен на краю дивана, пол буквально блестит от чистящих средств. При таком порядке комнаты кажутся ещё более просторными и светлыми. Прохладный паркет приятно холодит босые ступни. В воздухе пахнет лимоном и чем-то мятным. Я прохожу в гостиную, останавливаюсь и медленно оглядываюсь по сторонам. Ни пылинки.

Всё было бы идеально, если бы не воспоминание, что первым делом нужно срочно сменить бельё. Я тихо вздыхаю. К счастью, за столько лет эта процедура стала привычной. Я трачу на это дурацкое действие всего пару минут и с облегчением позволяю себе забыть о проблеме на ближайшие два часа.

Я завариваю чайный пакетик и откусываю зелёное яблоко, которое мама предусмотрительно помыла и положила в вазу перед уходом. Кисловатый сок бежит по подбородку, и я вытираю его предплечьем. Провожу по липкой коже тыльной стороной ладони, потом машинально вытираю руку о пижамные шорты.

Сейчас бы кофе... Но кофемашину я решила не покупать. Её вечно надо чистить. Папа занимался этим каждую субботу, и в первое время я с интересом наблюдала за процессом. Но это занятие быстро наскучило. И пришла истина — проще спуститься в ближайшую кофейню за горячим напитком.

Стопа уже почти не ноет. Наверное, рана затянулась. Я настороженно опускаю взгляд. Пальцы ног свободно шевелятся. Аккуратно переношу вес тела на всю стопу. Тянет, но уже не остро. Больше напоминает ноющую усталость после долгой ходьбы. Я ещё раз откусываю яблоко, и его громкий хруст разносится по тихой кухне.

Натянув футболку и спортивные штаны прямо поверх пижамы, я надеваю кепку, хватаю с тумбы солнцезащитные очки и спускаюсь на лифте.

Солнце печёт так, что кожу начинает покалывать. Я бреду до кофейни, не поднимая взгляда от земли. Не самый лучший вид для случайной встречи с кем-то, кто может меня узнать. На всякий случай натягиваю козырёк кепки пониже, сильнее пряча лицо. Подошвы кроссовок отбивают ритм по тропинке, и я вижу только собственные ноги и тени прохожих, скользящие мимо. Ветер доносит запах выхлопных газов, горячего асфальта и свежесваренного кофе из открытых дверей кофейни.

Приходится простоять в очереди почти пятнадцать минут, нервно притаптывая ногой от нетерпения. Лучше бы заказала доставку на дом. Когда бодрящий напиток наконец оказывается в руках, я сразу разворачиваюсь и спешу домой.

Скинув кроссовки прямо под дверью, я прохожу в гостиную и валюсь на диван в уличной одежде. Попивая горячий кофе, открываю интернет-магазин в поисках новых красивых предметов интерьера. Я пролистываю десятки картинок, задерживаюсь на керамических вазах, стеклянных светильниках и ярких постерах. Кофе остывает, пока я представляю, как всё это будет смотреться на экране телефонов зрителей.

Желудок жалобно урчит, напоминая, что кроме чая, яблока и кофе я за весь день так ничего и не съела.

Блин. В доме родителей не приходилось заботиться о пропитании. Еда, приготовленная мамой с любовью, всегда едва умещалась на полках холодильника.

Как назло, запахи из мексиканского ресторанчика пробираются сквозь приоткрытое окно и щекочут аппетит. Лёгкий ветерок с улицы приносит ароматы жареного мяса и острых специй. Во рту тут же скапливается слюна.

Устоять перед соблазном не удаётся.

На всякий случай я снова меняю бельё перед выходом. Пальцы скользят по вешалкам, перебирая наряды. Выбор останавливается на облегающем синем платье до колена.

Макияж я делаю такой, чтобы его почти не было заметно: тонкий слой коричневой туши и персиковый блеск для губ, который я совсем немного размазываю по щекам вместо румян.

Я ещё раз оглядываю себя в зеркале. Сомнений нет — теперь на любом фото я буду выглядеть безупречно.

Слюнки текут при виде буррито в меню. Мясо сочится, овощи обволакивает томатный соус. А лепёшка поджарена на гриле так, что я бы, наверное, ела её даже без начинки. Обязательно закажу на вынос, чтобы насладиться вкусом дома, не боясь испачкаться соками. А пока заказываю салат и севиче из креветок.

Приняв заказ, официант уходит, я ещё раз бросаю взгляд на фотографию буррито и мысленно обещаю себе, что дома съем его без всяких ограничений.

Поддача — такая себе. Не очень эстетично, но оно и к лучшему. Не придётся доказывать, что я питаюсь в обычных кафе, а не в дорогуших ресторанах.

Я украдкой делаю несколько кадров, стараясь не привлекать внимание, и изучаю каждый. Пальцы водят по экрану в поисках нужного фильтра.

Опубликовав подходящий снимок, я кладу телефон экраном вниз на стол, желая не задумываться о реакциях подписчиков. Но слух упорно цепляется за звуки, ища в каждом уведомлении о новом комментарии.

Еда не приносит особого удовольствия, потому что мысли не покидает это сочное буррито на страницах меню. Отвлечься помогает лишь внезапное осознание, что я осматриваюсь и завидую компаниям и парочкам вокруг. За их столами не стихают голоса и смех. Хотелось бы тоже видеть напротив кого-то живого, чтобы время не тянулось в такой скуке.

Закрыв счёт, я забираю упакованное навынос буррито и спускаюсь с летней террасы к дороге. Бумажный пакет тихо шуршит в руке, а сквозь него уже пробивается невероятный аромат жареного мяса и специй.

Громкий рёв перекрывает шум людной улицы. Я оборачиваюсь на звук и как замороженная смотрю на блестящий корпус чёрного мотоцикла, который паркуется прямо передо мной. На тёмном металле отражаются огни фонарей и фар проезжающих машин.

Водитель глушит двигатель и поворачивает голову в мою сторону. Я пытаюсь разглядеть его глаза через стекло шлема, но резко отворачиваюсь, когда понимаю, что смотрю слишком пристально.

Ветерок приносит знакомый аромат. Он оседает в ноздрях, и я замираю с пакетом в руках, даже не успев понять, что перестала дышать.

Мужчина снимает шлем, и воздух при вдохе застревает в горле. Мне не показалось. На меня в упор смотрит Стеллан.

Он проводит ладонью по волосам, приглаживая их. Его глаза в вечернем свете кажутся темнее, глубже, и на секунду создаётся ощущение, что вокруг стало тише, чем обычно бывает на этой людной улице.

— Добрый вечер, Нора. Как ваша нога?

От его голоса подкашиваются колени. В груди становится тесно, и слова снова застревают где-то на полпути к горлу.

— Стеллан... — всё что удаётся произнести вслух.

— Нора, — парирует он. — Вы с ужина? — он бросает взгляд на пакет с логотипом ресторана.

— Угу, — киваю я слишком активно, и волосы падают на лицо. Я торопливо убираю их за ухо, чувствуя, как ладони стали влажными. И зачем-то протягиваю пакет ему. — Хотите?

Он смотрит на него, затем на меня.

— Как необычно. Я привык сам приглашать девушку на ужин, — усмехается Стеллан. Хрипотца в голосе проходит вибрацией по телу, и я перестаю чувствовать землю под ногами.

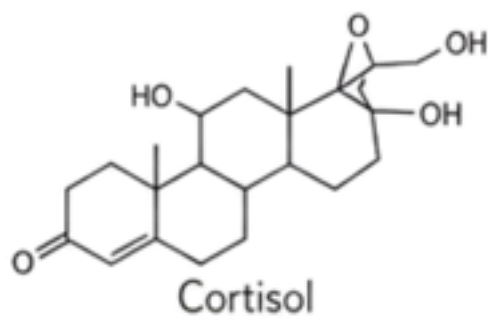
— Если вы не торопитесь, то предлагаю вернуться в ресторан на кофе.

Я моргаю, пытаюсь догнать смысл сказанного. Мне не послышалось?

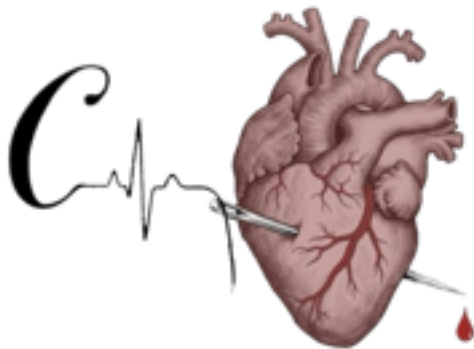
— Да, — слишком быстро отвечаю я и тут же поджимаю губы от смущения.

К чёрту Мэгги с её глупой фразой. У меня будет второй шанс.

***Cortisol (Кортизол)** — помогает организму пережить длительный стресс и адаптироваться к нагрузке.*

VII

— Расскажи о себе, Нора, — я без договорённости перехожу на «ты», отпивая глоток кофе и пристально наблюдая за ней.

Она на секунду задумывается, будто подбирает слова.

— Я переехала сюда на днях. Поэтому у меня в квартире был такой бардак, — из неё вырывается нервный смешок. Она проводит подушечкой большого пальца по краю чашки. — Но вчера всё разложила по местам. Потратила полночи, но оно того стоило.

— С раненой ногой? — Мало верится в её сладкие слова. Я чуть наклоняю голову, не отводя взгляда.

— Всего лишь царапина, ты же сам так сказал. Кстати, спиртом обработала, — гордо заявляет она.

Я делаю ещё один глоток кофе, не спеша.

— А чем занимаешься?

Ответ мне известен, но куда важнее то, как она сама преподнесёт эту информацию.

— У меня блог. О жизни. Обычной жизни обычной девушки. Мы с подписчиками обсуждаем всё подряд, как друзья за чашкой чая.

Она произносит «обычной» чуть тише, чем остальные слова. И в этот момент её брови едва заметно сходятся к переносице.

Интересно. Она даже не замечает, как выдаёт себя в мелочах.

От одного вида на её идеальные пропорции сносит крышу. Нора продолжает свой рассказ о блоге, который не имеет для меня никакого значения. Плевать, что слетает с её губ, от которых невозможно оторвать взгляд. Единственная причина, по которой я до сих пор продолжаю её слушать — блеск в глазах от заинтересованности в собственном деле.

Я ловлю себя на том, что смотрю слишком долго, и делаю глоток обжигающего кофе, чтобы отвлечься и вернуть себе хоть какое-то подобие контроля.

— Ты сказал, что работаешь хирургом, — она переводит тему на меня, слегка наклоняя голову. Глаза опускает на руку, пальцы которой нервно барабают по кружке.

— Да. Я — пластический хирург.

— Ого. Значит, делаешь женщин красивыми?

— В каком-то смысле.

Снаружи — да. Внутри ещё не пробовал, но собираюсь.

— А почему выбрал квартиру именно тут?.. — она не договаривает, но я улавливаю смысл её вопроса: тут, в таком старом доме.

— Понравился вид из окна, — и я совсем не лгу. — Да и до работы отсюда ближе, чем от моего дома за городом.

В её взгляде мелькает интерес, почти детский.

— У тебя и дом есть? Круто.

Она говорит это слишком быстро, как будто боится, что тишина между нами может стать неловкой.

Кажется, это всё, на что она сейчас способна. Либо растерялась от неуверенности в себе, либо слишком глупа.

Восс, во что ты ввязался?

— А сколько тебе лет? Просто ты выглядишь очень молодо. Но, насколько мне известно, на врачей учатся долго.

— Мне тридцать три. Окончил школу и университет экстерном.

Я отвечаю спокойно, наблюдая за тем, как она воспринимает информацию.

— А мне уже двадцать три, но я до сих пор не определилась, на какую профессию поступать, — она задумчиво подпирает подбородок ладонью.

Пальцы чуть скользят по коже лица, и взгляд уходит в сторону, мимо меня, в пространство за окном. Я не тороплюсь отвечать. Отмечаю паузу, её дыхание, то, как она слегка покачивает ногой под столом.

Чем меньше мыслей, забивающих голову, тем легче запустить туда нужные...

— Мне, наверное, пора. — Нора ёрзает на стуле уже который раз за последние минуты.

Я отвожу взгляд от её лица и внимательнее скольжу по деталям, которые мозг автоматически фиксирует: лёгкий намёк на отёчность, сломанный уголок ногтя, что говорит об их ломкости, хотя волосы блестят, чуть выпирающий живот из-под ткани облегающего платья.

Я наклоняюсь ближе, настолько, что улавливаю сладковатый аромат её духов, и только потом задаю вопрос:

— У тебя месячные?

Чашка в её руке резко дёргается и горячий напиток едва не выплёскивается на стол. Я успеваю вовремя перехватить её запястье и зафиксировать в воздухе.

— Прости. Профдеформация, — добавляю я.

— Это что, как-то заметно? — шепчет она, округлив глаза.

Я чуть отстраняюсь, давая ей пространство, и спокойно отвечаю:

— Есть несколько сигналов. Они не всегда являются точными маркерами, но в совокупности дают картину для предположения.

Нора словно выпадает из реальности. Смотрит куда-то сквозь меня пустым взглядом, но я улавливаю, как в её голове копошатся вопросы.

— Это всё в порядке нормы и никак не сказывается на состоянии здоровья, — успокаиваю её, пока она не придумала себе повод для переживаний. — Но твоя кожа выглядит бледной. Тебе нужно есть больше мяса. Это поможет поддержать организм на плаву во время цикла.

Заваливая Нору этой информацией, которая, надеюсь, отложится в её головушке, я листаю меню в поисках мясных блюд. Заказываю несколько на вынос, не особо раздумывая — важно не разнообразие, а состав.

— Ого, у тебя что, вечеринка намечается? — удивляется Нора.

— Это для тебя.

У неё и так большие глаза. Но то, как они округляются ещё сильнее, заставляет меня усмехнуться. Она явно не ожидала такого поворота и теперь пытается быстро сложить в голове, шутка это или нет.

— Кстати, — я киваю на кружку в её руке, — а вот от крепкого чая, кофе и большого количества молочных продуктов лучше воздержись. Так железо усваивается хуже.

Она замирает на секунду, словно вспоминает весь свой сегодняшний рацион.

— Чёрт... — вырывается из неё, и она тут же прикрывает рот ладонью.

— Красота не вечна, Нора. Лучше хранить её с молодости.

Она фыркает, явно не до конца соглашаясь, но и не находя, что ответить.

— Да ты врач до мозга костей, — хихикает она.

С милого личика слетает маска притворства. Член в штанах дёргается от этого зрелища.

Кровью меня не напугать — это моя стихия. Я мог бы утащить её прямо сейчас в свою квартиру и взять на новеньком полу, который уложила вторая бригада за ночь. Облупленные стены затмятся видом её идеального обнажённого тела...

Блять.

— Стеллан? — отвлекает меня Нора. — Что-то не так? Ты сейчас кружку раздавишь.

Я перевожу взгляд на свою ладонь и с раздражением замечаю, как побелели костяшки от той силы, с которой я её сжимаю.

В её светло-карих глазах плещется замешательство и... страх. Нет, на девчонку точно нельзя давить. Иначе она ускользнёт, так и не попав в мои руки.

Я чуть выравниваю тон, убирая из него резкость.

— С тобой приятно проводить время, Нора, — я решаю зайти издалека. — Может, оставишь мне свой номер? Чтобы в следующий раз я мог пригласить тебя на настоящее свидание?

Я протягиваю ей свой смартфон.

Ох уж этот проступивший румянец... Я замечаю, как он медленно поднимается к щекам. В голове невольно рисуется образ её раскрасневшегося лица, когда она будет подо мной. Приходится заглушить эту мысль ещё в зародыше.

Я умею контролировать желания. Физические. Но контролировать желание избавиться от изъёнов, заявить права на это совершенство и забрать её себе — выше моих сил.

— Вот, — она возвращает мне телефон, где теперь хранится её номер.

— Локвуд? — спрашиваю я, задерживая взгляд на фамилии, которую она записала. — Знаю одного такого. Игрок на рынке биржи. У него как раз вроде есть три дочери...

— Я самая младшая, — без стеснения заявляет она.

Я смотрю на неё внимательнее, чем до этого. Память быстро складывает картину: имя, семья, публичный образ. Теперь ясно, откуда эти замашки. Локвуд с его женой не упускают возможности рассказать о своей младшей дочери. «Их принцессе», как они её называют.

— Что ж, — я беру её ладонь в свою. Движение выходит будничным, как часть естественного разговора. — Приятно познакомиться, младшая миссис Локвуд.

Губы касаются её бархатной кожи. Дрожь. То ли исходит от неё, то ли возникает внутри меня.

Официант приносит несколько пакетов с заказанной едой, ставит их рядом, тем самым нарушая момент.

Значит, вечер подошёл к концу. Но это только начало.

— Алло? — раздаётся в телефоне сонный голос.

— Привет, Нора.

— Стеллан? — голос становится звонче. — Ты звонишь?

— Я для этого и попросил твой номер.

— Я думала, ты напишешь, — на фоне раздаётся какой-то шорох.

— Зачем? Приятнее услышать твой голос.

— Я... прости, я спала.

Неудивительно, учитывая, что она вчера вела прямой эфир до трёх часов утра. А я, как пубертатный подросток, смотрел, не светясь в комментариях.

— Хотел предупредить, что вылетаю на конференцию в другой город. Чтобы ты не думала, что я пропал и не держу обещание насчёт свидания. Меня не будет пять дней.

Слышу, как на том конце линии она делает тихий вдох.

— Хорошо. Спасибо, что сказал.

Штора в её спальне распахивается, открывая вид на светлую кожу под солнечными лучами, которые падают на её плечи и ключицы, очерчивая каждую линию. Волосы растрёпаны, светлые пряди лежат беспорядочно, одни заломлены за ухо, другие падают на лицо, но это поправимая мелочь, которая не имеет значения.

Солнечный свет проходит сквозь волосы, делая их почти прозрачными, местами они отливают мягким золотом. В этих шортах её ноги кажутся невероятно длинными и стройными.

Нора отходит от окна, оставляя за собой полосу света на полу. Она проходит через арку, её плечи разворачиваются, открывая вид на спину, а уже через несколько секунд распахивает шторы в гостиной.

Следом кухня. Она выпускает солнце и в эту комнату.

Я всматриваюсь в её пространство. Чисто, если не брать во внимание синюю кучку возле кровати. Видимо, вчерашнее платье. Смятая ткань лежит на полу небрежной горкой.

Я задерживаю взгляд на этой кучке, потом перевожу на Нору — она стоит у кухонного окна, смотрит на улицу.

— Хорошего тебе дня, Нора.

— И тебе, — отвечает она веселее.

Я сбрасываю звонок и продолжаю наблюдать. Нора стоит боком, но я вижу, как она прижимает телефон к груди и широко улыбается.

Первый надрез сделан.

— Всё готово, мистер Восс.

— Спасибо. Счёт уже оплачен.

Мужчина, который только что установил систему наблюдения в квартире, кивает и оставляет меня одного. Его шаги уходят по коридору, становясь глуше с каждой секундой, пока не исчезают окончательно. Я слышу, как за ним закрывается входная дверь. Щелчок замка. Тишина.

Я стою посреди комнаты и смотрю на экран телефона, который держу в руках. Пальцы касаются стекла, и я провожу по нему подушечкой большого пальца, открывая нужное приложение.

Заставка загружается быстро, экран мигает, подстраивается под сигнал, и на нём появляются три прямоугольника с изображениями. Я нажимаю на них по очереди, проверяя, крутятся ли камеры и попадают ли их объективы на окна противоположного дома.

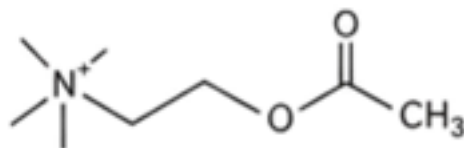
Чёткость хорошая, видно даже, как солнечный свет отражается от зеркала в её спальне, дробится на стекле тонкими бликами. Камера ловит даже малейшие смещения света.

Пальцы сжимают и разжимают экран, картинка приближается, становясь почти осязаемой. Обзор — то, что мне нужно.

Убедившись в стабильности картинки, я открываю другое приложение и вызываю такси.

Я улетаю Нора. Но всё равно буду рядом.

Acetylcholine (Ацетилхолин) — обеспечивает внимание, память, скорость мышления и сокращение мышц.

Acetylcholine

VIII

Последняя пара одноразового белья благополучно летит в мусорку. Ужасные несколько дней позади.

Я включаю кран с горячей водой, позволяя потоку медленно заполнить мраморную чашу. Вода ударяется о белоснежное дно, поднимает тонкую пену, соль начинает растворяться, оставляя блестящие кристаллы по краям. В воздухе постепенно разливается аромат лаванды.

Я скидываю одежду и бросаю мимо корзины для грязного белья, позволяя вещам упасть на пол бесформенной кучей.

Хочется смыть с себя следы прошедших дней. Через пару часов у меня запланирован прямой эфир, так что есть время привести себя в порядок.

Кончики волос расплываются по поверхности, когда я забираюсь в горячую воду. Кожу покалывает от температуры, тело постепенно перестаёт сопротивляться и просто принимает тепло.

Я хватаю телефон мокрой рукой, оставляя на корпусе мелкие капли. Открываю чат. Со Стелланом. Он вернётся с конференции только завтра, но, как и обещал, постоянно напоминает о себе то звонками, то сообщениями.

«Ты позавтракала?». «Тебе нужно пить больше воды». «Подыши свежим воздухом и чаще проветривай квартиру».

Такой чуткий и заботливый...

Я перечитываю каждое сообщение, и кончики губ растягиваются всё шире. Стенки желудка щекошет от проснувшихся в нём бабочек, и я ловлю себя на том, что прокручиваю его фразы снова и снова, находя в каждом слове новый смысл.

Мама тоже не перестаёт интересоваться моей жизнью, но от неё вечные наставления и вопросы звучат иначе. Её участие похоже на уход за комнатным растением: полив по расписанию, поворот горшка к солнцу, запрет прикасаться, чтобы не повредить лепестки.

У Стеллана же каждое утверждение подтверждается аргументом. Поэтому его слова кажутся мне весомее. С ним я чувствую не родительский контроль и опеку, а настоящее вовлечение в мою жизнь. И от этого его голос в моей голове звучит иначе, чем голоса других людей.

А ещё до меня начинают доходить обвинения сестёр, что я слишком избалована родительским вниманием. Возможно, дело в том, что у меня никогда не было человека, с которым я могла бы разделить свои чувства. У Мэгги и Кейт для этого есть парни, подруги. А ещё они есть друг у друга. Они всегда были ближе между собой, чем со мной.

Я часто замечала, как сёстры переглядываются. Одного взгляда или короткой фразы им хватало, чтобы понять друг друга. В такие моменты я особенно остро чувствовала себя лишней.

А у меня — только родители. И только от них я могу получить любовь и человеческое тепло, чего сёстрам никогда не понять с их избытком внимания от окружающих.

Может, я веду себя глупо, но ещё глупее отрицать, что меня влечёт к Стеллану. Сначала подкупила внешность. Но я была готова отбросить любые мечты о нём, решив, что не интересую его. Поэтому, после того как он пригласил меня на кофе, испытала такой прилив эмоций, что не смогла отказать, несмотря на страх личного общения.

Было пугающе надеяться, что история не закончится после первого же разговора. Упустить такого мужчину, когда он сам нашёл меня и не сбежал после первых двух минут общения... Но его ежедневные сообщения продолжают подпитывать мою веру. Лишь бы не облажаться...

Я провожу ладонями по лицу, будто это может помочь смыть неприятные мысли. Подушечки пальцев сморщились от долгого сидения в ванне. Вода уже начала остывать, и по плечам пробегает лёгкая дрожь. Я открываю слив, быстро споласкиваю пену, прохожусь по коже кофейным скрабом и намыливаю волосы шампунем, который придаёт им дополнительный здоровый блеск. Тёплый пар заполняет комнату густой дымкой, смешиваясь с запахом кофе и цветочных нот.

Я провожу по поверхности запотевшего зеркала предплечьем, и на стекле остаётся широкая влажная полоса, сквозь которую проступает моё лицо. Всматриваюсь в отражение, задерживая взгляд на собственных глазах, пока вода капает с волос, оставляя лужицы на плитке.

Вместо того, чтобы их высушить, я затягиваю на затылке пучок, закручивая мокрые пряди в тугий узел. Махровое полотенце впитывает капли с тела, на кожу ложится тонкий слой увлажняющего крема, оставляя после себя липкую плёнку.

Пройдя в гардеробную, я надеваю нижнее бельё и мятую футболку, которая доходит до самых колен. Задерживаю взгляд на своём отражении в зеркальной дверце шкафа — бледный бежевый оттенок, свободный крой. Есть в этом есть что-то уютное.

Пора начинать прямой эфир, пока на щеках сохраняется румянец после распаривания, а волосы ещё не высохли. Я поправляю телефон на штативе и нажимаю кнопку.

— Всем привет, — улыбаюсь я своему изображению на экране. — Только с душой и сразу к вам.

Комментарии ползут вверх, и я успеваю прочитать первые несколько, пока чат радостно взрывается сердечками. Но один привлекает внимание быстрее остальных.

«Ты такая секси в этой футболке. С удовольствием снял бы её с тебя.»

Текст вспыхивает на фоне остальных, и в груди теплеет от неожиданного внимания. Для приличия делаю вид, что не заметила этого комментария, и начинаю говорить про свои планы на вечер. Но краем глаза всё равно возвращаюсь к той строчке, и внутри разливается странное удовлетворение.

Знаю, что многим девушкам омерзительна одна только мысль, что кто-то ублажает себя, представляя их, но я этого чувства не разделяю. Пусть мечтают. Значит, я нравлюсь им. И пока чужие руки не касаются моего тела лично — меня это мало волнует.

Я поправляю край футболки, которая съехала с плеча, и перевожу взгляд на другую сторону экрана. Но «поклонник» не отступает. Снова и снова пишет пошлые комплименты и пару раз спрашивает мой адрес. Игнорировать его становится сложно.

И я решаю, что это — идеальный момент.

— Мне приятно ваше внимание, но пора кое-чем с вами поделиться, — обращаюсь я к зрителям с хитрой улыбкой.

Я не спешу рассказывать. Минуту слежу за чатом, где люди уже сгорают от любопытства, кто-то делает предположения.

— Я, кажется, встретила того самого, — наконец произношу я, удовлетворившись их ожиданием. — Того, от кого мой желудок щекочит тысячи бабочек. Того, благодаря кому я стала смотреть на мир иначе. Это как... ну, знаете, краски стали ярче, дождь не портит настроение, потому что после него выглянет солнце и в небе образуется радуга.

«Какое красивое описание влюблённости».

Да, я тоже так подумала, когда услышала эти слова в какой-то романтической комедии. Именно поэтому и заучила их, репетируя два дня перед зеркалом.

«Ну всё, парни, расходимся. Сердце этой красотки теперь занято».

Этот комментарий мезолит глаза.

Блин. Я что, потеряю часть подписчиков из-за своего признания?

«Кольца на пальце нет, значит её ещё не застолбили», — пишет другой.

Сначала это звучит оскорбительно. «Застолбили». Но я хватаюсь за это слово, как за последнюю соломинку в болоте, в которое сама и нырнула по глупости.

— Он ещё не знает о моих чувствах. — Слова приходится подбирать максимально осторожно. Грань слишком тонкая — нельзя делать вид, что это легкомысленная интрижка, но и нельзя демонстрировать, что я теперь вне зоны доступа. — Я познакомилась с ним несколько дней назад. Поэтому рано пока говорить, к чему это всё приведёт. Это я так, просто решила с вами поделиться. У меня от вас нет секретов, я всегда говорю, как есть.

«За это мы тебя и любим!» — вступается одна из зрительниц, а другие принимают её поддерживать.

Я предлагаю зрителям поделиться своими интересными историями об отношениях, в каких самых странных местах они знакомились, чтобы сместить фокус внимания с себя. Чат оживает, сообщения начинают мелькать одно за другим, и я мысленно выдыхаю — напряжение в плечах понемногу отпускает.

Я люблю быть в центре, но сейчас хочется затаиться в тени чужих рассказов, чтобы избежать расспросов, ответы на которые я ещё не продумала.

Зрители делятся разным: кто-то до абсурда смешными ситуациями, некоторые грустными, от которых щемит сердце. Я слушаю, поджимая губы и чуть прищуриваясь, когда сюжет того требует.

Одна девушка рассказывает, как будущий муж вытащил её из лужи в парке, а вторая признаётся, что её бывший ушёл к подруге. С меня требуется лишь кивать и вызвать верную эмоцию — и я легко с этим справляюсь.

«Я познакомилась с парнем по переписке. Он из другого города. Мы общались полгода и складывалось впечатление, что мы знаем друг друга лучше, чем сами себя. До окончания его учёбы оставалось два месяца. Ждать уже не хватало терпения. И мы решили попробовать секс по переписке. Боже, девочки... Мы так друг друга разогрели этими подразниваниями, что когда он приехал, мы не вылезали из постели четыре дня! А скоро у нас годовщина свадьбы. Вместе уже три года.»

Чувство зависти к таким счастливым историям подкралось незаметно. Я читаю очередной рассказ зрительницы о случайной встрече с парнем из прошлого, которая потом переросла в нечто большее, и мне вдруг захотелось отключить эфир. После первой такой истории кольнуло в груди, после второй я стала меньше говорить. А теперь и вовсе едва удерживаю на лице притворную улыбку. Мышцы вокруг губ начинают подрагивать от напряжения, и уголки рта опускаются каждый раз, когда я отвожу взгляд от экрана.

Чтобы не выдать своё состояние, я говорю, что мне уже пора спать, и отключаюсь. Улыбаюсь на прощание, но как только трансляция гаснет — роняю руки вдоль тела и несколько секунд просто смотрю в стену.

Вот бы и правда лечь и уснуть, чтобы не заикливаться на этой теме. Но две выпитые кружки крепкого кофе после обеда дают о себе знать — спать не хочется. В голове продолжают настойчиво крутиться обрывки чужих историй, и я понимаю, что просто лечь и закрыть глаза не получится.

Я достаю из холодильника бутылку белого вина. Прохладное, полусладкое. На стекле остаются следы от пальцев.

Вынимать пробки я так и не научилась, поэтому, переехав в собственную квартиру, остановила выбор на бутылке с откручивающейся крышкой. Я помню, как пыталась однажды открыть им бутылку и чуть не поранилась.

Холодная жидкость наполняет бокал на высокой ножке наполовину. Я отставляю бутылку в сторону, не потрудившись её закрыть, и облокачиваюсь о столешницу острова, вертя бокал в руке. Вино закручивается в слабую воронку, оставляя на стенках тонкие прозрачные разводы, которые тут же стекают обратно.

Я делаю первый глоток и прислушиваюсь к ощущениям. Сначала холодная жидкость стекает по горлу, оставляя во рту привкус алкоголя — терпкий, со сладкой ноткой на кончике языка. Она медленно опускается в желудок и уже оттуда дарит то самое чувство, когда по телу пробегается тёплая волна.

Внутри становится легче, будто напряжённые, как тугие струны, мышцы, наконец, расслабляются. Остаток я выпиваю залпом.

Завтра я определённо пожалею об этом. Стоит мне сделать больше трёх глотков разом, и тело сдаётся быстрее. На утро голову раскалывает от боли, а язык липнет к нёбу. Только вот теперь рядом нет мамы, которая любезно бы принесла стакан воды в постель, накормила завтраком и оставила одну отсыпаться.

Я не раз клялась себе не повторять этого, чтобы не мучиться на следующий день. Но сейчас — когда прохлада бокала холодит пальцы, а внутри разливается приятная истома — обещания кажутся такими далёкими и ненужными. Вино уже начинает мягко давить на виски, очертания мебели становятся более размытыми.

Зато чувство зависти быстро уходит на второй план.

Я смотрю на пустой бокал, и во мне просыпается желание совершить то, что на трезвую голову мне бы и не пришло на ум. Написать Стеллану что-нибудь игривое, проверить его реакцию. От одной мысли низ живота начинает тянуть. Я прокручиваю в голове возможные фразы.

Алкоголь пропитывает каждую клеточку, придавая решимости. Пустой бокал остаётся стоять на столешнице, а я бреду в спальню. Залезаю в кровать и накрываюсь одеялом с головой, чтобы даже стены не смогли стать свидетелями того, что я собираюсь сделать. В темноте под тканью я слышу только своё дыхание и стук сердца, который гулко отдаётся в ушах.

Н: Не спишь?

С: Только лёг. Ты поужинала или опять перекусила снежками?

Н: Поужинала. Заказала доставку — равиоли с лососем в сливочном соусе.

С: Калорийно. Такое лучше есть за пару часов до сна.

Н: Ну или можно просто потом сжечь эти калории... есть один способ, который я хотела бы попробовать.

С: Какой?

Палец зависает над экраном. Умения общаться онлайн у меня не отнять, но тех людей с эфиров я едва ли встречу вживую. А Стеллан вернётся уже завтра. Как мне после этого смотреть ему в глаза?

С: Нора?

Ну, теперь уже не отвертеться. Сама начала.

Я решаю зайти издалека.

Н: Как прошёл твой вечер? Я вот в ванне повалялась. Намазалась кремом и теперь моя кожа пахнет персиком. Не могу перестать себя касаться.

С: И где именно ты себя касаешься?

Стеллан подхватывает тему быстро. А я, идиотка, даже не представляю, как ответить. Все мои тайный завлечения начинались с прямых ласк вибратором между бёдер.

Чё-ё-ё-рт... что делать?..

Искать информацию в интернете займёт слишком много времени. Приходится пойти на то, от чего по телу пробегает волна стыда. Я открываю сайт для взрослых, и тычу пальцем на первый попавшийся ролик, стараясь не вглядываться в изображения на обложках. Но это оказывается неудачной идеей — то, что открывается взгляду, заставляет меня зажмуриться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.